ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 55 (2438) Суббота, 10 июля 1948 г. Цена 40 коп.

Слово хозяина

«Каждый раз,—а это каждый день! — получив письмо от какого-нибудь молодого человека, начинающего что-то понимать, чувствуешь ожог, хочется к человеку этому бегом бежать. Какие интересные люди и как все у них кипит и горит! Славно...»

Так писал о советских людях двадцать лет назад А. М. Горький.

Что он усматривал в них — такое дорогое и обжигающе-важное? И чему радовался этот жадный на людей жизнелюбец, получая письма, — нынче из Сызрани, завтра из Ржева, Полтавы, Астрахани, — от незнакомых ему корреспондентов?

Он видел сказочную перемену человека, ставшего в советской стране хозяином жизни. И радовался он именно этому активному вовлечению миллионов людей, героев из массы, «чернорабочих культуры», строителей нового государства, их вовлечению в дело переустройства жизни на коммунистических началах, их вмешательству в бесконечное разнообразие государственных вопросов и забот, их творческой инициативе, их талантам, соединенным с нетерпеливым большевистским желанием устроить все получше, повернее.

Когда-то, еще в начале века, молодой Горький провидел в жизни России эту фигуру нового, грядущего ее хозяина — машиниста Нила из своей пьесы «Мещане». Ему, Нилу, отдал он тогда лучшие слова, какие только мог сказать сам: «Я знаю, что жизнь — дело серьезное, но не устроенное... что она потребует для своего устройства все силы и способности мои. Я знаю и то, что я—не богатырь, а просто честный, здоровый человек, и все-таки говорю: ничего! Наша возьмет! И на все средства души своей удовлетворю мое желание вмешаться в самую гущу жизни... месить ее и так и этак: тому—помешать, этому—помочь... вот в чем радость жизни!»

Каждый день на имя советских писателей, в адрес «Литературной газеты» приходят со всех концов страны десятки читательских писем. Пишут люди самых разнообразных «должностей в жизни» и профессий — надзиратель порта и колхозный кузнец, действительный член Академии наук и ученик-семиклассник, бухгалтер, врач, инструктор партийного комитета, учитель, художник, кандидат сельскохозяйственных наук, офицер, домашняя хозяйка. Их письма, откуда бы они ни пришли, — с бумажной фабрики или казачьей станицы, из таежного далекого леспромхоза или из многолюдного столичного города,—об'единяет одно единое качество: это слово хозяина.

Такой отдел — «Слово хозяина»—заведен в нашей газете. Неиссякаемы источники личной инициативы советских людей. Тут и чувство нового, и понимание своей ответственности за все, что касается Родины, ее процветания, и поистине благородное желание разделить свой опыт со всеми, отдать свой опыт в общенародный фонд, тут, конечно же, и желание личного счастья, которое уже ясно осознано в процветании и счастье всего своего народа, в успехах и достижениях всей великой страны.

«Советские люди, — сказал А. Жданов, — привыкли ставить общенародный государственный интерес прежде всего. Они привыкли считать общее дело своим насущным личным делом». В этих словах товарища Жданова заключен тот главный определяющий мотив, который побуждает советского человека сказать свое слово и на страницах газеты.

О чем же говорят читательские письма? О большом и о малом. О восстановлении разрушенного Мариуполя и о напильниках для лесорубов. О недостатках преподавания советской литературы в школах и о севе выравненным зерном. О судьбе ребенка, оставленного бездушным отцом, о неотложных нуждах реконструкции Евпаторийского порта и о многом, многом другом.

Парторг В. Чугунов из колхоза «Красное Клемятино» в открытом письме министру электропромышленности по-государственному широко и по-хозяйски разумно рассказал о затруднениях в снабжении колхозов электрооборудованием. И вот министр И. Бабанов тотчас отвечает делом. В принятом решении предусмотрено все, что предложили клемятинские колхозники в письме своего парторга.

Из села Марьевки Куйбышевской области, из самого Куйбышева, из Саратова, Челябинска, Юрьевца писали советские люди о школьных зданиях, используемых не по назначению. Люди заступались за детвору, за ее право учиться в нормальной обстановке. Были упреки со стороны читателей в адрес Министерства автомобильной и тракторной промышленности и его заводов. И вот министр С. Акопов наводит порядок, освобождает школы в Саратове, Горьком, Куйбышеве, принимает меры к ускорению постройки новых школ в поселках Кутаисского, Ульяновского, Минского, Алтайского, Владимирского, Сталинградского заводов.

Михаил М., потерявший на фронте обе ноги, написал о негодных порядках в переосвидетельствовании, когда человек с ампутированной ногой или рукой обязан каждые полгода зачем-то итти во ВТЭК показывать свое увечье. И вот министр социального обеспечения РСФСР А. Сухов признает правильность этой критики и принимает меры, улучшающие дело врачебно-трудовой экспертизы.

В поле зрения советского человека находятся в равной мере большие и малые проблемы народной жизни. Но и тогда, когда речь заходит о малом, в нем все равно сказывается большой масштаб государственного сознания наших людей. Вот, например, сегодня мы публикуем письмо кузнеца Ковалева. Со знанием дела говорит Ковалев о нуждах колхозной кузницы. Только ли своей?.. Нет, кузнец Ковалев «на все средства души своей удовлетворяет свое желание вмешаться в самую гущу жизни», он ставит вопрос в народнохозяйственном масштабе.

Велика и неоценима заслуга партии большевиков, которая воспитала все поколения советского народа—и старые и молодые — в духе хозяйской активности, напористой инициативы, в духе борьбы на стороне нового и нарождающегося со старым и умирающим.

Партия большевиков всегда настойчиво учит руководителей чутко прислушиваться к голосу рядовых советских людей, к их советам и предложениям, всегда настойчиво учит дополнять свой опыт, опыт руководителей, опытом масс, опытом народа.

Подлинный советский руководитель, воспитанный партией, всегда с чутким вниманием относится ко всем пожеланиям и замечаниям рядовых советских людей. И на неверный путь становится тот руководитель, который не прислушивается к их голосу.

К сожалению, ни словом не ответил до сих пор директор Челябинского тракторного завода депутат Верховного Совета СССР тов. Зальцман на законное требование общественности, выраженное в письме А. Веселова, — освободить школьное здание для школы. Не откликается директор Миасского напилочного завода тов. Вохминцев на критику его работы. А ведь он затоварил продукцию своего завода и в то же время лишил лесорубов необходимого им инструмента. Можно было бы привести и другие примеры равнодушия и молчальничества отдельных руководителей предприятий и учреждений.

На многие-многие годы сказал товарищ Сталин о том, как надо не только учить массы, но и учиться у масс:

«Мы, руководители, видим вещи, события, людей только с одной стороны, я бы сказал — сверху, наше поле зрения, стало быть, более или менее ограничено. Массы, наоборот, видят вещи, события, людей с другой стороны, я бы сказал — снизу, их поле зрения тоже, стало быть, в известной степени ограничено. Чтобы получить правильное решение вопроса, надо об'единить эти два опыта. Только в таком случае руководство будет правильным. Вот что значит не только учить массы, но и учиться у масс».

Пусть же растет и ширится поток народной инициативы! На каждое письмо—ответ! И ответ прямой, не уклончивый! Ответ словом и делом. Пусть властно звучит хозяйский голос советского человека под солнечным небом советской демократии!

На вновь обретенной родине

Пятьдесят армянских литераторов вместе с многими тысячами армян, недавно приехавших в Советскую Армению из различных стран мира, обрели в СССР свою родину.

— Как живут, над чем трудятся литераторы репатрианты?

С этим вопросом корреспондент «Литературной газеты» обратился по телефону к заместителю секретаря Союза советских писателей Армянской ССР тов. Р. Кочару.

— С первых же дней по приезде в Советскую Армению, — сказал тов. Кочар,— писатели репатрианты активно участвуют в общественной жизни республики. Они выступают с докладами в различных аудиториях, с публицистическими статьями в печати, горячо откликаясь на политические, хозяйственные и культурные события страны. Многим писателям-репатриантам армянский народ оказал величайшее доверие: литераторы Г. Манушакян, В. Дагесян, О Гукасян и другие избраны депутатами в Верховный Совет республики и в местные Советы депутатов трудящихся.

Приехавший из Ирана Ованес Гукасян написал стихи «Сталину», проникнутые горячей любовью к отчизне и страстной ненавистью к ее врагам. Эти же чувства выражают Арам Арман в стихах «Москва» и «Ереванская весна», Андраник Терзиян в стихотворении «Хвала Советской Армии» и Шаке Варсьян в рассказе «Спасибо, русский друг!». В повестях молодого писателя Абика Авакяна и в рассказе Григора Кешишяна «Дом вчерашний был не мой» также сильно звучит мотив безграничной любви к советской Родине.

Григор Кешишян, молодой, даровитый прозаик, жил прежде в Ливане. Об издании отдельной книги своих рассказов он не мог и мечтать. В Советской Армении недавно вышла его книга рассказов.

— Главный герой рассказов и повестей писателей репатриантов, — продолжает тов Кочар, — молодой человек, получивший в стране Советов широкие возможности для творческого труда. В одном из рассказов Шаке Варсьян рисует образы старого армянина и его сына, которые строили много домов в чужих краях, но сами остались бездомными; ныне они строят дом на родной земле и в эту стройку вкладывают все свое мастерство, ибо это их родной дом, и он будет прочно стоять на советской земле.

С огромным интересом читаются статьи об англо-американских и французских реакционерах, написанные врачом-публицистом, депутатом Верховного Совета Армянской ССР Г. Манушакяном, писателями Г. Девечяном, Г. Грааном, Або Абояном и другими.

В цикле статей Г. Девечяна, озаглавленных «Дашнакские лакеи империализма», рассказывается о том, как позорно провалился с'езд дашнакских писателей, как были окончательно разоблачены лидеры дашнаков и их литературные прихлебатели. Яркий разоблачительный очерк о дашнакских лакеях написал также литератор-партизан Вардан Темурджян, участник движения Сопротивления во Франции. Неоднократно выступал в печати против дашнаков и писатель Петрос Паргев.

Писатели-репатрианты проявляют живейший интерес ко всему, что происходит не только в Армении, но и в братских республиках. Летом прошлого года группа литераторов побывала в Тбилиси и Батуми. Намечаются творческие командировки писателей в Москву, Ленинград, на Украину, в Баку. Увидеть воочию то, о чем известно им только по рассказам, — заветная мечта каждого писателя-репатрианта.

Борис ГОРБАТОВ
НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ!

Киноповесть Бориса Горбатова «Дорошенко пришел на Эльбу», отрывок из которой мы печатаем, рассказывает о советских воинах, которые в боях прошли путь от Дона до Эльбы. Герой повести Игнат Дорошенко начинает этот путь старшим лейтенантом, а в Берлин вступает полковником. В освобожденной Варшаве Дорошенко познакомился с Иреной — участницей варшавского восстания, спровоцированного по указке реакционного эмигрантского польского правительства в Лондоне генералом Бур-Комаровским. Обманутая псевдопатриотическим призывом руководителей восстания, Ирена самоотверженно сражалась в рядах восставших. Ирена вступает в ряды польского войска. После окончания войны полковник Дорошенко разыскивает своего сына, увезенного немцами в Германию. Ирена говорит Дорошенко о том, что в английской зоне оккупации, в лагере для перемещенных детей работает ее жених — врач Янек. Янек с самого начала войны служил в Англии, в частях Андерса. Ирена не видела Янека много лет и наивно считает его таким же патриотом, как и она сама. Вместе с Иреной полковник Дорошенко и журналист Автономов отправляются в лагерь.

...Игнат Дорошенко и Автономов слышат счастливый голос своей спутницы:

— Янек, а это советские офицеры, мои друзья!

Янек надменно и чуть враждебно кланяется им. Офицеры холодно козыряют в ответ.

— Они были на нашем фронте, — возбужденно продолжает Ирена. — Они освободили Польшу... Нашу Польшу, Янек.

— Я им очень признателен за это! — с легкой насмешливостью отвечает Янек и еще раз небрежно кланяется.

— Полковник Дорошенко, — торопливо говорит Ирена, — ищет своего сына... маленького сына... десяти лет... Полковник искал во всех лагерях... Я хочу, чтобы он посмотрел и здесь...

— Но это невозможно, — сразу встревожился Янек. —Посторонним лицам...

— Посторонним? — перебила Ирена.— Янек, опомнись! Это — полковник Дорошенко, советский офицер, победитель фашизма, союзник, наконец...

— Но, дорогая, — мягко говорит Янек, — мы в английской зоне... Я не имею права...

— Не ссорься со мною, Янек!—вспыхнула Ирена. — Не ссорься, ради бога... при первой же встрече...

— Хорошо, — сказал Янек и почтительно склонил голову. — Ваше слово, дорогая, — закон для меня.

— Спасибо, — нежно прошептала Ирена и торжествующе посмотрела на офицеров. — Я ведь говорила вам, что Янек— чудесный, и он понравится вам...

Распахнулись ворота.

Ирена и Янек, Дорошенко и Автономов вошли в лагерь.

В бараках навстречу им поднимаются дети.

Вымуштрованные неволей, они испуганно вытягиваются и замирают под взглядами военных людей.

— Это все русские дети? — тихо спрашивает Ирена Янека.

— Да... Пока еще русские... — отвечает он, усмехнувшись.

Дорошенко вглядывается в детские лица. Мучительная гримаса перекосила его лицо. Страшно смотреть на детей, на их старческие лица, на их бледные, впалые щеки, на следы горьких страданий в их недетских глазах.

Ирена наклоняется к маленькому мальчику. Гладит его по голове. Он дрожит.

— Как зовут тебя, мальчик? — ласково спрашивает она.

Мальчик испуганно смотрит на нее. Боится заплакать, боится сказать.

— Ну, как же тебя зовут, крошка? — по-русски спрашивает Ирена.

— Ви... Витя... — чуть слышно отвечает ребенок.

Ирена прижимает его головку к себе и говорит растроганно Янеку:

— Несчастные дети! Как хорошо, что они еще не забыли родной язык.

— Да. Пока еще не забыли... Но ничего, — усмехнулся Янек, — они его забудут.

— Что ты говоришь, Янек! — возмущенно вскрикнула Ирена.

— Тсс! — прошипел он и указал на идущих впереди русских.

Дорошенко идет, мучительно всматриваясь в детей. Юрика нет среди них.

Вдруг какая-то девочка с воплем бросается к нему:

— Папа! Папа!

Он подхватывает ее на руки, и она, прижимаясь к его щеке и показывая ручонкой на красную звезду на его фуражке, кричит восторженно и плача:

— Папа. Мой папа, папа...

—Бедная девочка, — тихо говорит Автономов. — Она узнала красную звезду на фуражке.

Ирена возмущенно поворачивается к Янеку.

— Почему, почему вы держите детей здесь? Почему не отправляете на родину?

— Успокойся, Ирена... — испуганно бормочет Янек.

— Я спрашиваю: почему?

Янек вдруг ощетинивается весь. Дикая, зоологическая ненависть к советским людям вспыхивает в нем; забывшись, он говорит то, что думает:

— А зачем, зачем их возвращать? Чтоб выросли большевики... нам на голову?

Ирена с удивлением смотрит на него, словно видит впервые. Янек ли это? Перед нею стоит андерсовский офицер, враг...

— Ты совсем обольшевичилась, Ирена... — уже успокоившись и улыбаясь, говорит Янек и хочет взять ее под руку. Она в испуге отшатывается от него.

— Нет, нет... — говорит она бессвязно. — Нет, Янек...

Дорошенко проходит барак за бараком— нигде нет Юрика.

Янек подходит к нему холодный, злой, насмешливый.

— Вы видите, господин полковник, — говорит он, — вашего сына нет здесь. Его имени нет и в книгах лагеря.

— Но, может быть, он в лазарете... — говорит Дорошенко, — может быть, его фамилия просто неизвестна здесь. Он такой маленький...

— Но вы не нашли его... Вы осмотрели все дортуары...

— Но, может быть, он в лазарете... в карантине где-нибудь... в карцере...

— У нас карцеров, господин полковник, нет!

— Тогда мы осмотрим лазарет, — решительно говорит Ирена.

— Я не имею права... Что ж это, наконец? — вспыхнул Янек.

— Янек! — резко сказала Ирена. — Вы нам покажете все!

Метнув на нее злобный взгляд, Янек пошел вперед. Все — за ним.

В лазарете к ним присоединяются врачи-англичане.

Янек кратко, по-английски, об'ясняет им ситуацию. Они недовольно ворчат. Но делать нечего. Дорошенко уже идет вдоль коек. На них умирают больные дети. Юрика нет среди них.

Ирена с ужасом смотрит на детей. Запах смерти висит над палатой.

— Вы не нашли вашего сына? — нетерпеливо спрашивает полковника Янек.

— Нет... Но позвольте еще...

— Вы видели все.

— Я хочу еще, — тихо говорит Дорошенко. — Я хочу еще осмотреть морг.

— В морге никого нет, — поспешно сказал Янек.

Англичане всполошенно заговорили о чем-то, услышав слово «морг».

— Я хочу... видеть морг... — тихо, но с силой говорит Дорошенко.

Янек смотрит на него, на Ирену, злобно пожимает плечами.

— Извольте!

Они выходят. Идут через парк. Буйно зеленеют деревья.

Молча идут люди.

Вдруг навстречу им попадаются санитары. Они несут кого-то на носилках.

Увидев санитаров, англичанин-врач сердито крикнул им по-английски: «Назад! Назад!..»

Санитары остановились, потом повернули назад. Но Дорошенко одним прыжком подбежал к ним и наклонился над носилками.

Раздался его страшный крик:

— Юрик!

Вздрогнула Ирена. Подбежал к полковнику Автономов.

Дорошенко стоял, прижимая к груди маленькое тельце мертвого сына.

— Как это случилось? — растерянно спросил Янек у врачей-англичан.

— Ужасное недоразумение, — ответил англичанин. — Мальчик умер еще утром... Очень досадно, что он попался ему на глаза.

— Но неужели... неужели нельзя было спасти ребенка? — вскрикнула Ирена.

— У него был туберкулез, мисс... Он был очень плох...

— Конечно, стрептомицин... — сказал другой англичанин.

— О, стрептомицин!.. Это очень дорого... — возразил первый.

— Стрептомицин только для офицеров... вообще... для англичан... — прибавил Янек, — мы не можем тратить стрептомицин для русского мальчика... Ты с этим должна согласиться, Ирена...

Стоял, прижимая к себе маленькое тельце мертвого Юрика, Дорошенко.

И, глядя на него, тихо сказала Ирена:

— Он вашу Англию спас от Гитлера, а вы... Вы ему сына не захотели спасти!..

И, взглянув на англичан и Янека с откровенным презрением, она подошла к Дорошенко.

— Пойдемте! — тихо сказала она ему.

Все так же держа на руках сына, двинулся Дорошенко.

Санитары подскочили к нему, желая взять ребенка, но их остановила Ирена:

— Не троньте! Это — его сын.

И она пошла вслед за Дорошенко.

— Ирена! — вскрикнул Янек ей вслед. Она не обернулась.

Медленно плывет по дороге автомобиль Дорошенко. Полковник сидит рядом с шофером и держит на руках мертвого сына.

Он сидит прямо и неподвижно, и лицо его словно окаменело.

А мимо него все проходят и проходят толпы освобожденных людей. Теперь они идут к Эльбе, — путь на Запад открыт Красной Армией.

Идут французы...

Англичане...

Бельгийцы... Голландцы...

Датчане...

Американские солдаты.

Бурлит людской водоворот на дороге.

Кричат на всех языках мира люди:

— Спасибо! Спасибо за свободу! Спасибо Красной Армии!

И подбрасывают шляпы в воздух.

Об осуждении Говарда Фаста

Луи АРАГОН

Я прочитал письмо Говарда Фаста к американскому народу *. Этот документ отмечает новый этап американской трагедии, драму попранной свободы в стране, которая была страной Линкольна и Франклина Рузвельта.

Приведем факты: крупного писателя Говарда Фаста, роман которого «Страсть Петера Альтгельда» хорошо известен во Франции, писателя, книги которого печатались большим тиражом, а его романы-биографии крупных американских деятелей Тома Пэйна и Вашингтона продавались в миллионах экземпляров и изучались учениками всех школ США, — Говарда Фаста бросают на-днях в тюрьму и с ним десять его товарищей из «Об'единенного комитета помощи антифашистам-эмигрантам». В чем заключается их преступление? В антифашизме. В чем оно выразилось? В помощи испанским республиканцам, в том, что они распределяли деньги и медикаменты среди больных и инвалидов.

Так как верховный суд 15 июня отклонил апелляцию, приговор к тюремному заключению этих 11 осужденных должен немедленно вступить в силу. Комиссия Томаса и Ренкина, известная под названием Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, возбудила дело против этих 11 антифашистов. Все помнят о «расследованиях» комиссии Томаса и Ренкина в отношении звезд Голливуда, например, в отношении Чарли Чаплина. Эта комиссия, в которой ложные показания являются правилом, не нуждается в доказательствах для того, чтобы передать «правосудию» подозреваемых лиц: закон разрешает ей делать это просто из-за отказа ответить на один из таких вопросов, как: еврей ли вы? Являетесь ли вы членом коммунистической партии? При этом комиссия пред'являет обвинение в нанесении оскорбления конгрессу.

До недавних пор эта система не применялась. Лишь около месяца тому назад первый политический, осужденный этим странным трибуналом, был посажен в тюрьму: адвокат Джозефсон, который был заключен в одну камеру с гангстерами. Он подвергался такому обращению, что в течение месяца потерял 16 килограммов, и жизнь его теперь находится в опасности.

Известно, что в США сенатора Тэйлора недавно осудили за нарушение дискриминационного закона, предусматривающего отделение негров от белых, за преступление, которое заключалось в том, что он вошел в церковь через дверь, отведенную для чернокожих.

В конгрессе обсуждается закон Мунта — Никсона; этот закон уже принят палатой представителей и для того, чтобы вступить в силу, должен быть утвержден лишь сенатом. Под флагом борьбы против коммунизма закон устанавливает гораздо худшее положение для всех американских граждан, которых подозревают в расхождениях с правительством, чем режим желтой звезды для евреев при гитлеровском строе.

Этот закон дает возможность подводить под рубрику «коммунист» всякого мужчину и всякую женщину, которые считают, например, что расовая дискриминация является преступлением, или которые хотя бы в одном пункте согласны с коммунистической программой (например, право голоса для женщин). Всякая организация может быть названа коммунистической по одному лишь заключению генерального прокурора, если в ее состав входит хотя бы один коммунист или если она защищает такое же положение, какое отстаивает коммунистическая партия. В таком случае члены этой организации никогда не смогут написать ни одного письма, не пометив на конверте, что они являются коммунистами (даже если это не так), и т. д.

Всякий нарушивший эти террористические правила подлежит тюремному заключению сроком на 10 лет. Этот закон направлен против всех тех, кто мог бы голосовать за Уоллеса, против всяких сторонников Уоллеса. Читая текст этого закона, кажется, что бредишь.

Хотя закон еще не принят, его мерзкий дух уже царит. Доказательством этого служит отклонение апелляции Говарда Фаста и его товарищей и предстоящее заключение их в тюрьму.

Они приговорены лишь к нескольким месяцам тюремного заключения. Но дело заключается не в этом. Кроме того, что в течение этого короткого времени, при поистине фашистской атмосфере, царящей в США, их жизнь подвергается опасности, это первый шаг на пути к ликвидации американской демократии, к наглому уничтожению свободы в стране, которая некогда была поборницей свободы.

Сегодня Фаст, завтра Чаплин или Эйнштейн, послезавтра Уоллес... Кому же не ясно, что эти покушения на дело, во имя которого американские солдаты дважды приходили умирать в Европу рядом с нами, были бы необ'яснимы, если бы это не были поспешные попытки подготовить новую мировую войну, если бы это не были преступления для подготовки самого страшного преступления — войны, провоцируемой хладнокровно и систематически?

Совесть свободных людей всего мира не может оставаться спокойной перед лицом этих грубых и очевидных фактов, перед неслыханным цинизмом американской реакции!

* Опубликовано в «Литературной газете» (№ 54, 1948 г.).

Плакат, выпущенный издательством «Искусство» ко Дню Воздушного Флота СССР.
Авторы плаката Н. Петров и М. Абрамов.

КРЫЛАТЫЙ НАРОД

В беседе с корреспондентом «Литературной газеты» председатель Оргбюро Всесоюзного добровольного общества содействия авиации — ДОСАВ — гвардии генерал-лейтенант авиации Герой Советского Союза Н. П. Каманин рассказал:

— ДОСАВ — массовая добровольная организация трудящихся, призванная распространять авиационные знания среди населения Советского Союза. Для развития в стране авиационного, планерного, парашютного, воздухоплавательного и авиамодельного спорта мы расширяем деятельность аэроклубов. Сейчас в стране работает значительное количество аэроклубов. В дальнейшем их сеть будет еще более увеличена.

Каждый член аэроклуба может, не отрываясь от своей основной работы, получить здесь любую авиационную специальность—летчика, механика, планериста, парашютиста, радиотехника, изучить аэрофотос'емку, радиолокацию и т. д. Отсюда каждому открыт путь в «большую авиацию». Из аэроклубов, как известно, вышли многие наши знаменитые летчики. Среди них—трижды Герои Советского Союза Иван Кожедуб и Александр Покрышкин. Аэроклубы воспитали и других выдающихся современных деятелей советской авиации, в частности, Героя Социалистического Труда Александра Яковлева.

— По всей стране сейчас создаются организации нашего общества — на предприятиях, в учреждениях, колхозах, совхозах, машинно-тракторных станциях, учебных заведениях, — продолжал генерал. — Я не сомневаюсь в том, что в самом недалеком будущем ДОСАВ станет многомиллионной организацией. Наша страна—родина авиации. Наш народ — крылатый народ.

— В праздновании Дня Воздушного Флота СССР, к которому готовится вся страна, наше общество примет самое деятельное участие,—заявил тов. Каманин.— Повсеместно организуются выставки, доклады, воздушные демонстрации, народные гуляния. В Москве, на Тушинском аэродроме состоится традиционный воздушный парад. Москвичи увидят, как далеко шагнуло вперед боевое могущество сталинской авиации и мастерство ее замечательных кадров за тридцать лет.

Первая часть программы целиком посвящается демонстрации достижений аэроклубной авиации, высокого искусства летчиков, обучившихся в свободное от работы время. Праздник в Тушине начнется с группового полета на учебно-тренировочных самолетах «УТ-2». Строй машин образует в воздухе приветственные слова вождю народов: «Слава Сталину».

Вслед за этой группой звено самолетов «ПО-2» пронесет над аэродромом государственный флаг СССР и два больших авиационных вымпела. Несколькими минутами позже зрители увидят необычайный полет двух самолетов: над полем пронесутся как бы спаянные машины,—одна из них в перевернутом положении. Их сменят пять самолетов, ведомых женщинами, которые продемонстрируют серию фигур высшего пилотажа. Женщины-пилоты уступят воздушную арену 24 участникам группового пилотажа на аэроклубных «истребителях» «УТ-2».

В наступившей затем тишине небом завладеют безмоторные аппараты — звено планеров. Советские планеристы покажут, что в их руках и безмоторным аппаратам по-плечу все основные фигуры, выполняемые самолетами.

Каждый, кто придет в Тушино, увидит и самолеты Гражданского Воздушного Флота, совершающие пассажирские рейсы в течение суток от Москвы до берегов Тихого океана, и стремительные боевые машины Воздушных Сил Советской Армии. Зрители еще раз убедятся в высоких качествах, которые в годы войны определили превосходство нашей авиации над фашистской.

Радиожурнал сельской школы

ЯРОСЛАВЛЬ. (Наш корр.). Вечер в колхозных селах Сереновского сельсовета. Включены репродукторы, и ровно в 10 часов все слышат знакомый голос преподавателя литературы местной школы Г. Иванова:

— Внимание, начинаем передачу радиожурнала для родителей!

У микрофона — директор школы В. Лисенкова. Она рассказывает о программе, пройденной детьми, советует, чем им полезно заниматься дома.

Педагоги Сереновской школы начали вести свои передачи еще зимой. Недавно вышел уже 25-й номер радиожурнала. Колхозники не только узнают по радио о школьной жизни своих детей, но и слушают концерты самодеятельности учеников. Часто у микрофона выступают местный агроном и врач.

На летние месяцы разработана обширная программа радиопередач. Учительница тов. Баранова будет три раза в неделю читать ребятам литературные произведения по программе внеклассного обучения. Намечены еженедельные беседы с родителями по вопросам коммунистического воспитания. И еще одно, самое последнее новшество — беседы для малышей, готовящихся к поступлению в школу.

В РАЙОННОМ ЦЕНТРЕ

Е. ДОРОШ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

Паровоз берет с места. Уплывает назад одноэтажный кирпичный вокзал. Узкая вывеска на фасаде — Чередничкн... Устиновка... Веселый Подол... — ничего не говорит вашему воображению. Ни одно из этих названий не связано с каким-нибудь индустриальным гигантом, знаменитой стройкой, историческим событием.

Маленькая станция промелькнула бы, как десятки других, но полтавские товарищи посоветовали мне сойти в Веселом Подоле. «Тамошний секретарь, — сказали мне в обкоме,—здорово чувствует новое... Взять хотя бы работу с интеллигенцией!..»

Поезд ушел, оставив клочья белого дыма, и я отправился в Семеновку, бывшее волостное село, отстоящее в километре от станции. Сейчас это районный центр, где находятся райком и райисполком.

Я слышал еще в Полтаве, что когда секретарь райкома Григорий Васильевич Черный и председатель райисполкома Григорий Маркович Одверко приехали на работу, Семеновка, подожженная немцами, пылала, весь район лежал в чадящих развалинах, и на одичавшей земле качались дремучие бурьяны.

Рослый, несколько огрузневший, но при этом чрезвычайно подвижный, с румяным лицом и буйной копной пшеничных волос, Григорий Васильевич Черный принадлежит к тому типу работников, каких трудно представить себе вне постоянного общения с людьми. В партии он двадцать с лишним лет, из которых пятнадцать — на партийной работе, и я думаю, что ему давно уже трудно отделить личные интересы от интересов района.

Читает ли Григорий Васильевич роман,— мысль его напряженно ищет: а что бы взять отсюда и применить в жизни? Заглянул ли он на базар, — в мозгу сами собой возникают названия колхозов, из которых больше всего понаехало людей, а цена какой-нибудь утки обязательно свяжется у него со строительством колхозных ставков. Если же побывает Григорий Васильевич в Полтаве и увидит, как пышно убрали там школы к экзаменам, — хорошая зависть вселяется в его душу, и он не успокаивается, пока и семеновские школы не будут точно так же убраны.

Григорий Маркович Одверко так же грузен, как и Григорий Васильевич. Лицо у него смуглое, в коротких черных волосах уже искрится седина, лукавые морщинки живут в уголках веселых глаз. Родился он в панской экономии, мать его была батрачкой, отца своего он не знает, а фамилию носит деда, который, хоть и прожил всю жизнь в людях, однако происходил из старинного казацкого рода.

Познакомился я с Григорием Марковичем часу в десятом утра, когда оба руководителя района, успев побывать в колхозах, сошлись вместе, чтобы обменяться мыслями.

— Ну и буряк в колхозе Сталина, — встретил секретарь райкома председателя исполкома, — ну и буряк!.. Шляпу снимешь перед тем буряком!

Разговор пошел о нашествии долгоносика на свекловичные плантации, о подготовке к уборочной, о ремонте школ. Договорившись, Григорий Васильевич и Григорий Маркович разошлись по своим кабинетам. В отделах райкома и райисполкома начался рабочий день.

Я видел результаты этой работы.

Однажды с бухгалтером колхоза «Разгорнутым фронтом» осматривали мы свекловичные плантации.

Свекла была хороша, и бухгалтер, приметив, что я залюбовался ею, проговорил раздумчиво:

— А как мы спасали их, те буряки!

Он рассказал, как весной, когда уже появились всходы, наступило внезапное похолодание. Районный отдел сельского хозяйства посоветовал окуривать плантации. Костры из кизяка, обволакивая дымом растения, пытались укрыть их, но мороз пересилил. Тогда райком принял решение пересеять вымерзшие участки. Исполком снабжал колхозы семенами, находя их частью на месте, а частью в других областях. И опять зазеленели плантации. Растения уже входили в силу, когда на них обрушились полчища прожорливых долгоносиков. На борьбу с этой новой пагубой вышло шесть тысяч человек, поднятых коммунистами, агитаторами, учителями, агрономами. Двадцать тонн жучка собрали они вручную. Долгоносика уничтожали конными и ручными опрыскивателями. С долгоносиком боролись два самолета, вызванные из Полтавы.

И так во всем.

Спросите колхозника, где взял он деньги на постройку сожженной немцами хаты. «Та в Семеновци!» — ответит он вам. В «Семеновци»—это значит, что он получил долгосрочную ссуду в Государственном банке. Спросите, откуда прибыли саженцы для молодого колхозного сада. «Из Семеновци!» — услышите вы в ответ.

Помощь ли, совет ли, минеральные удобрения или книги, кинофильмы или горючее для тракторов — все исходит отсюда, из Семеновки, из районного центра.

Пройдемте же по улицам Семеновки, ни на минуту не забывая, что на 90 процентов она была разрушена. Радует Семеновка прежде всего исправными мостовыми, аккуратными мостиками над канавами, цветочными клумбами, чистотою улиц, щедро обсаженных деревьями. Под сенью белой акации, тополя, клена и ясеня стоят выбеленные мелом домики, большей частью новые, пока что крытые традиционным очеретом. Встречаются коробки зданий, внутри которых растет бесприютный татарник, но много уже и таких коробок, какие обнесены лесами и где успел укорениться жаркий дух сосновой стружки.

Когда начинали восстанавливать Семеновку, по мысли Григория Васильевича были построены два показательных дома, и если из 2.436 жилых домов, построенных в районе, еще не все походят на показательные, то виною тому недостаток строительных материалов. Но как бы то ни было, ни одна семья не живет сегодня в землянке, восстановлено, кроме жилых, 257 общественно-производственных и 62 культурно-бытовых здания, застраивается Семеновка и, глядя на нее, все остальные села.

Над селом господствует высокое кирпичное здание — Дом культуры, которым гордится каждый житель района. Строили его всем народом, не затратив и копейки государственных денег. Население разбирало остатки сожженных гитлеровцами зданий. На учрежденческих машинах везли лес, заготовленный своими силами в Киевской области. Нашлись каменщики, штукатуры и плотники, бесплатно работавшие в свободное время. Многие колхозы постановлением общих собраний дарили Дому культуры кто окно, кто двери...

Неподалеку от Дома культуры раскинулся молодой, но уже тенистый парк.

Под вечер, когда бранчливые галки, гортанно перекликаясь, кружат над парком и никак не устроятся на ночлег, хорошо присесть на одну из лавочек и обдумать впечатления дня.

У Семеновского района большие достижения. В прошлом году, обещав товарищу Сталину собрать по 250 центнеров сахарной свеклы с площади в 3.000 гектаров, здешние колхозники перевыполнили обязательство и собрали по 272 центнера на площади в 3.300 гектаров. Почти с довоенным сравнялось поголовье скота.

Машины и удобрения и правильная организация труда — все это помогает семеновским колхозникам. Но есть у них еще один друг, помощь которого сразу не учтешь.

В Семеновском районе трудятся 325 учителей и медицинских работников, 48 агрономов, 12 зоотехников и 4 ветеринарных врача. Еще в 1944 году Григорию Васильевичу Черному пришла счастливая мысль проводить в районе «день интеллигенции». С тех пор, в раз и навсегда установленное для каждой профессии число, ежемесячно с'езжаются учителя, агрономы, медицинские работники. Райисполком еще накануне позаботится, чтобы сельсоветы или колхозы обеспечили товарищей транспортом, а райком проверит, готовы ли докладчики. Докладчиками не только по вопросам своей специальности, но и по общеполитическим, кроме районных работников, выступают и сами учителя, агрономы, врачи. После докладов бывают семинары.

Сказать по совести, иной ленивый товарищ и рад бы не подготовиться к семинару, не провести беседу в бригаде или, сославшись на отсутствие пособий,—ничего не делать для повышения квалификации. Да «беда» в том, что свой же брат учитель или врач, живущий в таких же условиях, просто возьмет и посмеется над тобой. Может же Зинаида Петровна Диброва, например, готовясь к урокам физики, собрать материал о благотворном действии ультразвуков на семена. Не ограничиваясь учебником, она использует газеты, журналы, радиопередачи. И разве не задето будет самолюбие, когда преподаватель русской литературы Василий Петрович Масленников начнет рассказывать, что прочитал он колхозникам доклады о Пушкине, Навои, на международные темы.

Когда Григорий Васильевич рассказывал мне о людях района, я вспомнил вдруг, как в Мичуринске профессор Черненко водил меня по питомнику, показывая созданные им яблони. Об одних старый селекционер говорил охотно и много, о других, еще не выказавших все возможности свои, умалчивал, словно боялся прежде времени расхвалить. Так и секретарь райкома, сказав, что с таким-то мы еще подождем, он только-только в рост пошел, когда речь зашла об участковом агрономе Лукаше, весь просиял, стал звонить по колхозам и не успокоился, пока не нашел Лукаша.

Иван Тихонович Лукаш, загорелый до черноты, пропахший травами и землей, совсем еще молодой и застенчивый, в измятом, выцветшем рабочем костюме прямо из степи пришел в райком. Он рассказывал о пахоте с предплужниками, которая введена во всех колхозах его участка, о том, какая трудная была нынче весна для сахарной свеклы, да и не только для свеклы, — первый дождь выпал 26 мая, — и если в озимой пшенице теперь с головой укроешься, то все дело лишь в одной агротехнике. Из рассказа Ивана Тихоновича я заключил, что ежемесячные встречи с товарищами по работе, беседы и споры будят мысль, заставляют искать новое, и очень часто какое-нибудь новшество, придуманное Лукашом, возникновением своим обязано Дню агронома.

Обсуждали, к примеру, какими должны быть полезащитные полосы, и молодой агроном, размышляя о том, где же достать ему саженцы, с которыми трудно в районе, вспомнил, что в одном из его колхозов есть придорожный участок, где каждый год самосевом вырастает клен, каким обсажена дорога. Прежде эти сеянцы уничтожались, чтобы не мешали они посеянной здесь люцерне, а Лукаш рассудил, что куда выгоднее оставлять их, осенью пересаживать в полезащитные полосы, а к следующей осени сами собой вырастут новые. Вот и появился у него свой питомник американского клена.

Колхозы Лукаша готовятся к переходу на травопольный севооборот. Установлены уже поля, составлены переходные таблицы. Но беда в том, что район имеет лишь семена бобовых трав, а злаковых почти не найти. На одном из Дней агронома Лукаш поинтересовался, нельзя ли употребить в дело семена дикорастущих, благо, имеются у него луга, где растет и мятлик и овсяница луговая. Старшие, более опытные товарищи одобрили мысль Ивана Тихоновича. Нынче он договорился уже с колхозами, чтобы собирали вручную семена дикорастущих, сушили их, готовили к посеву.

Лукаш говорил тихо, постепенно воодушевляясь. Он рассказывал о прудах, которые нужно расширить, очистить, оборудовать дамбами и водосбросами, после чего, несомненно, в воздухе прибудет влаги. Он делился мыслями о том, близком уже будущем, когда земледелие наше освободится от власти стихии. «Як бы батьки наши повставали!» — утратив застенчивость, воскликнул агроном.

Многое из того, о чем говорил Лукаш, было еще мечтой. Но разве не мечтой выглядел сегодняшний день, о котором около четырех лет назад, в годовщину освобождения района, среди развалин и пепла, на одичавшей земле, говорила собравшимся на митинг жителям Люся Моисеевна Мытник. Она, агитпроп райкома, только что вернулась в Семеновку, и первый ее доклад, тезисами которого было все то, о чем мечтали они с Черным и Одверкой, этот доклад, в сущности, был планом восстановления района.

ПОЛТАВСКАЯ ОБЛАСТЬ.

СЛОВО ХОЗЯИНА

Расточительство

Старший бухгалтер Исиль-Кульского птицекомбината Н. Д. Карчевский прислал в редакцию письмо, в котором приводит такой факт расточительства:

«В городе Исиль-Куле, Омской области, имеются два небольших предприятия Министерства мясной и молочной промышленности СССР: мясокомбинат и птицекомбинат. В каждом из них работают по 30—40 человек, половина из их числа—административно-управленческий и обслуживающий персонал. Оба предприятия работают почти весь год с небольшой нагрузкой, не превышающей 40 процентов мощности.

В самый разгар мясопоставок — в августе-сентябре — мясокомбинат не работает из-за отсутствия холодильника. Тогда функции его принимает на себя птицекомбинат, у которого холодильник есть. Казалось бы, вывод ясен: необходимо слить оба эти предприятия. По Министерству мясной и молочной промышленности до того нет никакого дела. Министерство оторвано от небольших предприятий, не следит за их деятельностью, не знает, что делается на местах.

Слияние двух комбинатов в один могло бы повлечь за собой и слияние двух омских трестов — мясотреста и птицетреста. Государство от этого получит громадную экономию, прекратится ничем не оправданное расточительство народных средств».

Архитектурное стекло

Быстрыми темпами восстанавливаются разрушенные немецко-фашистскими захватчиками города и села, в далеких уголках страны вырастают новые города. Грандиозное строительство требует столь же грандиозного количества стройматериалов.

Одним из самых необходимых материалов является архитектурное стекло для остекления санаториев, больниц, школ, лабораторий, где требуется равномерное освещение рассеянным светом; оно используется также в качестве архитектурных деталей при отделке карнизов, колонн.

До войны небольшое количество стекла выпускалось только на одном заводе. Для организации массового производства требовалось сооружение специального завода со сложным и дорогим оборудованием.

«С марта 1946 года, —пишет главный инженер Скопинского завода М. Д. Тамарин, — по моему предложению архитектурное стекло стали вырабатывать на обычных машинах Фурко.

Лучшие мастера-фуркисты нашего завода тт. Новский, Ятарев, Дубинин в течение 4 месяцев освоили новый метод изготовления архитектурного стекла и могут давать его в любом количестве. Первые промышленные образцы получили хорошую оценку Комитета по делам архитектуры. Новый метод удешевляет продукцию и повышает ее качество. Мы получаем стекло самых различных рисунков толщиной от 2 до 30 мм.

Но для внедрения его в строительство ничего не делается. Архитектурные и строительные организации не проявили заинтересованности в применении отечественного стекла и продолжают ориентироваться на менее качественные заграничные образцы.

В связи с этим создается угроза, что 200 тысяч кв. м архитектурного стекла, которые выпустит в этом году завод им. Дзержинского в г. Гусь-Хрустальный, не найдут эффективного применения в строительстве.

Подобное положение ненормально. Комитет по делам архитектуры и строительные министерства должны заняться широким внедрением отечественного архитектурного стекла в наше строительство.

Загляните в колхозную кузницу

Дело, о котором я пишу, казалось бы, не касается «Литературной газеты», но я прошу уделить ему внимание.

Я — деревенский кузнец. Мне 48 лет. Учился кузнечному делу с детства. Работал в колхозных кузницах Горьковской, Московской и Смоленской (моя родина) областей. Сознавая огромное значение кузниц в хозяйстве колхозов, я не могу молчать о тех неувязках, которые имеются в кузнечном деле, о пренебрежении к такой важной отрасли.

Про кузницы просто забыли. Во многих колхозах их совсем нет. Кадры кузнецов никто не готовит. Нет никакого инструктажа... Удивительно невнимание к этому делу Центросоюза, заводов, производящих инструменты. Все внимание обращено на снабжение инструментом МТС. Те колхозы, которых МТС не обслуживают, не имеют даже наковальни и молотка. Создается впечатление, что некоторые райисполкомы и председатели колхозов просто не понимают или не хотят понимать пользу кузницы. У нас нет самых необходимых вещей, без которых кузница — пустой, неприютный сарай. Нет во многих кузницах, — а особенно в тех районах, где побывал враг,— наковален, кувалд, тисков, мехов или вентиляторов, клуппов для нарезки болтов, сверлильных ручных станков, шведских ключей.

Мне нечего стало делать в пустой кузнице. Я ушел из нее. Колхозники сказали:

— Поезжай в Москву, скажи министру, что у нас много машин и плугов неремонтированных, много железного утиля трофейного и всякого лома. Мы соберем железа в сто раз больше, чем весит кузнечный инструмент.

Я писал в областную смоленскую газету, напечатали заметку; писал в «Социалистическое земледелие» — тоже напечатали, но все бесполезно. Обвиняют во всем Центросоюз и пишут об этом так, как бы о торговле сковородами или булавками. А нужно, чтобы этим делом занялись вплотную, и чугунолитейные заводы организовали бы отливку наковален, кувалд, тисков. Если нехватает кожи на кузнечные меха, то пусть выпускают вентиляторы.

Кстати, я, имея многолетнюю практику, придумал вместо меха кузнечного, на который нужна кожа, самодельный небольшой мех размером в гармошку. Он соединен посредством трубки с бочкой, которая наполняется водой. Сверху, вверх дном, с грузом наверху, вставляется вторая бочка. Общий размер двух бочек полтора метра. Из бочки с водой идет вторая труба, выходящая поверх воды. По ней направляется вытесняемый воздух в горн. Маленький мех путем накачивания нагнетает воздух в верхнюю пустую бочку. Запаса воздуха хватит на 2—3 горна. Мой воздухонапорный цилиндр из бочек показал хорошие результаты работы. Его можно усовершенствовать, сделать металлическим. Это сэкономит много кожи.

Мой опыт работы в тех областях, где я восстанавливал кузницы, убедил меня в том, что многие хозяйственники совсем не знают разницы между кузнецом и плотником, трубочистом, пчеловодом. Не знают, что самая необходимая и трудоемкая специальность в колхозе—кузнечная.

Нам, кузнецам, приходится работать в деревне так же, как работали кузнецы много лет назад. Молоток нам делать самим невыгодно, а мы его делаем, жжем уголь. Косы отбивать нечем.

Говорят о сеноуборке, о хлебоуборке, кого-то ругают, что не подготовлен инвентарь, и в то же время совершенно забывают, что все это делается в кузнице, а в ней нет даже молотка и нечем ремонтировать жатки, косилки, шиновать колеса. Трактористы ломают последний инструмент в тех колхозах, где нет кузницы. Из-за отсутствия всего этого простаивают и машины и люди.

Кузнецов нет, и никто не готовит кадры, не заботится обучать молодых. От имени многих тысяч кузнецов прошу министра сельского хозяйства т. Бенедиктова, председателя президиума Центросоюза т. Хохлова и директоров заводов вникнуть в нашу просьбу и снабдить колхозные кузницы всеми необходимыми инструментами.

Дело пойдет на лад, если мы, старые кузнецы, научим молодых держать молоток в руках, ремонтировать быстро машины, плуги и другой инвентарь.

Кузнец Е. Ф. КОВАЛЕВ

Всенародное достояние

Ни одно явление жизни не проходит мимо внимания советского человека. Особенно волнуют его факты бездумного, а порой и хищнического отношения к социалистической собственности. Тут его гнев обращается и на хищника, и на того, кто равнодушно взирает на эти позорные явления. Хозяин советской земли, он хочет, чтобы все в его хозяйстве было хорошо, чтобы земля, отданная ему в вечное владение, добрела и украшалась.

Поэтому статья писателя Б. Емельянова «Дед Климушка» («Л. Г.», № 52) вызвала множество откликов читателей.

Исстари наши русские реки славились обилием и разнообразием рыбы. Экономическое значение правильно поставленного рыбоводства велико; рыбная ловля — любимый спорт миллионов людей. Сейчас благодаря преступному равнодушию милиции и местных властей наши рыбные богатства уничтожаются самым беспощадным образом. В годы войны стал процветать варварский способ уничтожения рыбы взрывчаткой. В результате рыба стала исчезать на 15—20 км в окружности от населенных пунктов.

О такого рода фактах сообщают читатели Н. Иванов, И. Макаров, П. Плосков из разных районов Коми АССР, учитель Скоробогатов, колхозник М. Фролкин из села Полтево-Пеньки, Рязанской области, и многие другие.

«Есть такие «деды Климушки», — пишет М. Фролкин, — и в наших местах. Вот к примеру: река наша Мокша была известна мокшанской стерлядью. Сейчас ее нет. Уничтожили взрывчаткой. Меньше стало у нас и певчих птиц. Село наше Полтево-Пеньки славилось раньше соловьиным пением. Теперь не слышно его утренней и вечерней зорями».

В своих письмах читатели требуют принятия строгих мер по борьбе с хищниками, разоряющими наши природные богатства.

«В районах, где рыбы осталось мало,— предлагает тов. Н. Иванов из поселка Печора, Коми АССР, — нужно запретить ловлю сетями, а где ее много — разрешить делать отлов колхозам или государственным артелям, с обязательным возвращением молодняка. За глушение рыбы, за устройство сплошных заборов необходимо наказывать со всей строгостью существующих законов.

Всем известно, какую большую работу проделали пионеры и школьники по охране зеленых насаждений. Почти возле каждого населенного пункта имеются водоемы, и если пионерам и школьникам поручить разведение рыбы, наши реки, пруды и озера будут кишеть рыбой».

Эту же мысль развивает в своем письме и тов. Фролкин. Он рассказывает о созданных им при двух средних школах юннатских секциях «Всероссийского общества охраны природы». Весной этого года школьники провели «День птицы». Они сделали и расставили около 600 скворечников. В «День леса» они посадили несколько тысяч молодых деревьев, взяли шефство над особым урочищем леса.

Охрана природных богатств — большое государственное дело. Это должны понять, в первую очередь, те руководители, которым поручена на местах охрана нашей природы и ее богатств.

«Наш патриотизм, — пишет вяземский учитель А. Скоробогатов, — это не патриотизм «вообще», оторванный от времени и пространства.

Наш патриотизм проявляется и в большом и малом. И всегда он носит конкретный характер. Мы хотим, чтобы наша Родина цвела и богатела, чтобы вырастали прекрасные города, окруженные зеленым кольцом лесов, чтобы в наших лесах не переводился разный зверь и певчая птица, а в реках—рыба».

ПРОДОЛЖАЕМ ОБСУЖДЕНИЕ

Как строить курс советской литературы

Обзор писем читателей

Редакция продолжает получать большое количество читательских писем, посвященных обсуждению вопросов преподавания советской литературы (см. «Литературную газету» №№ 46, 50, 51 и 52).

«Учителя очень волнует вопрос о положении с советской литературой в средней школе, — пишет И. Эгиз, преподаватель литературы школы рабочей молодежи № 3. — То неблагополучие, о котором неоднократно сигнализировала печать, и особенно «Литературная газета», очень остро ощущают все наши словесники.

Действительно, количество часов, отведенных на советскую литературу, ничтожно. Из общего числа 396 часов по литературе в 8—10-х классах на советскую литературу, включая Горького и Маяковского, падает всего 64 часа, т. е. 16 проц.

Отсюда ряд курьезов. Например, на анализ трагедии Гёте «Фауст» отводится больше времени, чем на изучение всей советской литературы!

При таком положении вещей учитель оказывается в очень трудных условиях. Ученики готовы весь урок говорить о Василии Теркине и Сергее Тюленине, о Зое, об Уле Громовой, но преподаватель помнит о программе и, скрепя сердце, произносит: «Ну, ребята, эти образы мы подробно разберем в 10-м классе».

Наконец, наступает с таким нетерпением ожидаемое время, когда начинается изучение советской литературы. И вот смущенный словесник должен преподнести своим питомцам... общий шестичасовой обзор! За эти шесть часов нужно дать понятие о новом качестве, отличительных чертах советской литературы, раскрыть основоположающие высказывания о литературе В. И. Ленина, И. В. Сталина и А. А. Жданова, основательно познакомить учащихся с постановлениями ЦК партии, хотя бы кратко рассказать о литературных течениях и школах. А когда же анализировать произведения, образы? Конечно, вряд ли найдется у нас хоть один словесник, который ограничился бы этими шестью часами. Приходится «отрезать» время от Чехова, Горького, Шекспира, Гёте, приходится использовать литературные кружки и конференции. Но, спрашивается, почему учитель должен такими «незаконными» или косвенными средствами решать столь ответственную и важную задачу?»

Доцент Педагогического института имени Герцена В. Архангельский говорит в своем письме:

«Молодежь горячо любит нашу литературу, с увлечением изучает ее. Но, к сожалению, у нас еще нет ни научных, ни методических пособий по советской литературе для учителей средней школы, нет обмена опытом в области преподавания и изучения советской литературы.

Почему бы не ввести практику стенографирования лучших лекций по важнейшим вопросам развития советской литературы, например, вводной лекции, одной из самых ответственных; эти лекции можно было бы рассылать в крупнейшие вузы страны для обсуждения или же публиковать их в порядке дискуссии. Почему бы не установить обмен опытом между кафедрами советской литературы Московского университета и педагогических институтов, с одной стороны, и кафедрами литературы ленинградских и периферийных вузов? Особенно мы плохо знаем о преподавании советской литературы в национальных республиках.

Давно пора об'явить конкурс на лучшую программу по курсу советской литературы.

Совершенно необходимо Министерству высшего образования и Союзу советских писателей организовать в помощь студенту выпуск (по подписке) дешевой библиотеки выдающихся произведений русской советской литературы и отдельных национальных литератур. Нужно издать пособия теоретического и критического характера, среди которых должны быть выпуски на тему: 1) Классики марксизма-ленинизма о литературе; 2) Партия и советская литература; 3) Проблемы социалистического реализма; 4) Сборники статей об отдельных советских писателях и т. д. Академия педагогических наук, Союз советских писателей, Гослитиздат и Учпедгиз должны принять живое участие в разрешении всех этих вопросов».

«Пора советской литературе занять достойное место в средней школе, — пишет А. Угрюмов, директор Тарногской средней школы.—Вступая в жизнь с аттестатом зрелости, наши юноши и девушки, к сожалению, не могут похвастаться обширностью своих знаний по советской литературе. Если добавить к тому же, что последними темами, изучаемыми на уроках литературы в 10 классе, являются Шекспир и Гёте (которым отводится вдвое больше времени, чем обзору всей советской литературы), то такое построение курса можно в лучшем случае назвать очень странным».

По мнению ряда участников обсуждения, вся программа по литературе для 10 класса должна быть посвящена советской литературе.

Директор 450-й школы Москвы, Герой Советского Союза П. Пустынцев пишет, что литература периода Великой Отечественной войны почти не отражена в школьных программах. «Такие произведения, как «Непокоренные» Б. Горбатова, «Дни и ночи»» К. Симонова, «Василий Теркин» и «Дом у дороги» А. Твардовского, «Сын полка» В. Катаева, «Волоколамское шоссе» А. Бека, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Пулковский меридиан» Веры Инбер, стихи А. Суркова, ленинградские очерки и поэма «Киров с нами» Н. Тихонова и многие другие, наконец, десятки талантливейших книг литературы братских народов, несомненно, должны войти в школьные программы».

Преподаватель Тульского пединститута Н. Мурашов считает, что существующие программа и учебник для 10 класса Л. Тимофеева мало говорят о художественных особенностях и своеобразии советской литературы.

«Мы поддерживаем выступление А. Дементьева и Е. Наумова о необходимости серьезного внимания к советской литературе, — пишет доцент Курского пединститута тов. П. Баскевич. — Достаточно сказать, что Министерство высшего образования предполагает разделить в педагогических институтах курсы русской литературы XX века — досоветской и советской— только в 1949/1950 учебном году; а до этого обязывает проводить общий экзамен по этим курсам. Нам представляется неправильным, что по учебному плану, утвержденному этим же министерством, на отделениях языка и литературы учительских институтов по советской литературе устраивается не экзамен, а зачет.

Курс советской литературы — это курс, в котором жизнь каждый год дописывает новые страницы. Здесь еще многое в движении — как в самой литературе, так и в ее изучении. В этих условиях было бы полезно периодически устраивать совещания преподавателей советской литературы. Давно назрела необходимость в регулярном выходе в свет журнала «Вопросы литературы», где бы разработка проблем советской литературы нашла достойное место».

Учитель В. Правдин (г. Сороки) оспаривает предложенную А. Дементьевым и Е. Наумовым систему «прикрепления» того или иного писателя к какому-то одному этапу историко-литературного процесса. «В одном случае за основу отнесения писателя к тому или иному периоду берется степень его популярности (Д. Бедный), в другом случае — степень актуальности его лучших произведений в этот период (К. Федин), в третьем случае—наступление перелома в его творчестве (Л. Леонов). Ясно, что такой подход приводит к произволу в определении роли и места каждого писателя в литературном процессе. Я считаю, что эволюция творчества каждого изучаемого в школе писателя должна быть показана не в узких, ограничительных рамках данного отрезка времени, а на широкой исторической основе, на фоне всего историко-литературного процесса эпохи».

А. Плахотный (г. Вознесенск) пишет, что авторы статьи «Как строить курс советской литературы» напрасно не указали писателей, которых следует отнести к разделу — советская литература на современном этапе. «А. Дементьев и Е. Наумов пишут, что «советские писатели кочуют по курсам и программам, в сущности, оставаясь «без места жительства». Предоставив в своей схеме «определенное место жительства» некоторым писателям, они совершенно незаслуженно лишили этого места жительства других не менее достойных, причем совершенно отбросили нашу советскую литературу братских республик».

Многие преподаватели и учителя указывают, что Министерство высшего образования и Министерство просвещения мало прислушиваются к тому, что волнует сейчас наши вузы и школу. К работе над программами и учебниками почему-то не привлекаются преподаватели, хотя именно они-то хорошо знакомы с вопросами и нуждами учащихся. В стороне от актуальных, наболевших вопросов преподавания советской литературы попрежнему стоит Академия педагогических наук. Ее работники настолько погружены в разработку «общетеоретических» вопросов, что до советской литературы у них «руки не доходят».

Во многих письмах сквозит тревога за то, что будущий учебный год учителя и преподаватели снова встретят без хороших программ и учебников.

КОНЬ БЕЛЫЙ И КОНЬ ЧЕРНЫЙ

◆ А. МАРЬЯМОВ ◆

Каждый из семерых разведчиков знал, что задание очень опасно.

Одни отчетливее, другие менее ясно представляли себе, что из этой операции любой из них, а, возможно, даже и все семеро могут не возвратиться.

Но они шли. «Лес, промытый ливнями, сладко благоухал. Напоенные влагой листья и травы наконец сбросили с себя отдающую зимой апрельскую прохладу. Так наступала настоящая весна. Мягкий ветер, как бы тоже очищенный прошедшими ливнями, колыхал всю эту по-весеннему шуршащую массу зелени».

Это не просто декорации, среди которых движутся, действуют и мыслят герои повести Эммануила Казакевича «Звезда». Мир, окружающий семерых разведчиков, светел и по-весеннему радостен не только потому, что сам автор осветил его солнцем и омыл весенними дождями. Человеку, угнетенному мыслью о смерти, даже и солнце кажется черным, а уж дождь и подавно не принесет радости. И если бы мы хоть на миг ощутили оттенок подобной угнетенности в сердцах лейтенанта Травкина и его боевых друзей, нам стало бы холодно и неуютно в том лесу, куда нас повел Казакевич, и мы не поверили бы зажженному автором солнцу.

Мир, в котором идут навстречу опасности семеро разведчиков, озарен внутренним светом ясной и чистой человеческой души. Потому так поэтически гармоничен и так неразрывно слит со всею тканью повести весенний и радостный фон, на котором развиваются глубоко драматические и в то же время полные светлого оптимизма события.

Не только своим поэтическим строем привлекла читателя повесть «Звезда» Э. Казакевича. В этой повести с удивительной силой и убедительностью было показано, что в лице советского воина против разрушителя, угрожающего миру и человечеству, вышел человек-созидатель. И этого разрушителя он уничтожает во имя торжества созидательной жизни.

Вот оттого и будет, мы верим, угасшая звезда погибших светить человечеству в продолжение грядущих лет и веков.

В майской книге журнала «Знамя» напечатана новая повесть Э. Казакевича «Двое в степи». Вы раскрываете ее с благодарным воспоминанием о «Звезде», с чувством искреннейшей симпатии к автору и, когда прочитываете первую же фразу — отточенную и точную, — вам кажется, будто вот он снова открылся, тот поэтический, сложный, грозный и радостный, знакомый вам мир.

Однако, чем дальше вчитываетесь вы в повесть, тем отчетливее становится ощущение, что в мире этом нечто переменилось: словно свет в нем стал сумрачнее и даже мертвеннее:

«Пшеница и ковыль, типчак и подсолнечник, картофельные и свекловичные поля, обширные бахчи, заваленные арбузами и дынями, опустевшие совхозные поселки и одинокие громады сахарных заводов — все это дремало под жарким солнцем, дичало от безлюдья...

Двое шли по степи, отбрасывая на пшеницу уродливые волнистые тени — одну длинную, другую короткую. Над ними пролетали стаи взволнованно орущих птиц, гонимых войной на восток».

Дело тут, конечно, не только в том, и даже вовсе не в том, что щедрая весна «Звезды» сменилась здесь засушливым степным летом. Вам неприятна картина умирающей, сожженной природы, главным образом, потому, что вы не ощущаете органичности пейзажа; на этот раз он превращен в декорацию, нарочитую и символично-условную, подчеркивающую тему смерти.

Что происходит в этой небольшой, занимающей сорок журнальных страниц, повести?

Лейтенант Огарков, очень молодой и совершенно неопытный воин, в сложнейшей боевой обстановке получает внезапное назначение: ему надлежит отправиться в штаб армии в качестве офицера связи. Армия отступает. Огарков должен доставить приказ об отступлении в свою дивизию. По неопытности, а, может быть, даже и от испуга, он сбивается с пути; приказ остается недоставленным, дивизия продолжает уже ненужный бой на своих рубежах и полностью погибает. Трибунал приговаривает Огаркова к расстрелу. Приговор направлен на утверждение в Военный Совет; арестованный Огарков остается в землянке под охраной часового Джурабаева, а события тем временем разворачиваются так, что штаб армии вынужден отойти, и в суматохе отхода люди забывают и об Огаркове и об охраняющем его солдате.

Никем не смененный часовой ведет по степи осужденного на смерть лейтенанта. В испытаниях войны приходит к Огаркову недоставававший ему боевой опыт. Джурабаев убит в бою. Огарков свободен от часового, он может выбрать свой путь. Но он продолжает итти туда, куда вел его Джурабаев: в трибунал, где его ожидает исполнение приговора.

Это и есть основная тема повести: свободный, идеально свободный в своих действиях советский человек непременно подчиняется своему долгу, даже в том случае, когда исполнение этого долга обозначает для него неминуемую смерть.

Тема моральной чистоты советского человека — тема огромная и важнейшая. Но, стремясь довести эту тему до предела, Казакевич вышел из границ жизненной правды и очутился в области искусственных умозаключений — в мире абстракции.

Абстракция иссушила ту степь, на которую привел автор своих героев. Да и сами «двое в степи» оказались некими условными фигурками, которые обременены таким грузом абстрактных построений, что всякая возможность превратить эти фигурки в людей, обладающих живой плотью и горячей кровью, оказывается исключенной.

Э. Казакевич поставил перед собою задачу абсолютного освобождения воли своего героя — задачу, столь же трудно разрешимую, как создание абсолютного вакуума в физике. Ради решения этой задачи понадобилось построение чрезвычайно сложного сюжета с оправданием множества условностей. Сделано это мастерски. Но машина все же столь громоздка, что острые углы конструкций разрывают ткань повествования.

Искусственно построенный сюжет сковывает автора, затрудняет его дыхание, то и дело уводит от жизненной правды. Часовой, стерегущий приговоренного к смерти Огаркова, наделен фамилией, биографией. И все же он остается прежде всего воплощением абстрактного понятия «Часового» — приговора, вынесенного лейтенанту.

И не случайно, завершая линию Джурабаева в повести, Казакевич внезапно срывается с той опасной черты, на которой он с трудом балансировал, стремясь остаться на грани, разделяющей реальность от символики, — срывается и падает за эту грань: «Великий разводящий — Смерть, — говорит он, — снял с поста часового».

Смерть, и притом именно «Смерть» с большой буквы, все время присутствует в этой повести, заканчивающейся для героя благополучно и счастливо, — в то время как в «Звезде», трагически завершающей судьбы главных героев, мы вместе с этими героями отгоняли самую мысль о смерти, справедливо находя в этом великую правду подвига, совершаемого советским человеком во имя Жизни.

Огарков не менее условен, чем Джурабаев.

В идеальный вакуум абсолютной личной свободы помещается абстрактный молодой человек, в котором мы с первых же показанных автором черт узнаем толстовского Петю Ростова, а с ним и многих других, давно уже знакомых нам по книгам, молодых людей, которые попадали на войну, не приобретя еще какого бы то ни было опыта жизни.

Лейтенант Огарков — герой литературный, а не реальный, каким был Травкин. Это так же, как и Джурабаев, — марионетка, изготовленная для того, чтобы протянуть цепь абстрактных, логических умозаключений автора.

И, определяя линию движения этой марионетки, так же, как произошло это и с Джурабаевым, Казакевич балансирует на грани между реальностью и символикой, и лишь чувство юмора помогает ему не сорваться на этот раз.

«Так случилось, что лейтенант ночью выехал из деревни на белом, а днем в'ехал туда на черном коне».

Если бы не слабая усмешка автора, это звучало бы не столь апокалиптически значительно, сколь претенциозно.

Но Казакевич не замечает того, что и сам он, решив столкнуть тему долга с оптимистической темой торжествующей справедливости, в'езжает в повесть на белом коне, а затем, в результате неумеренного кокетничанья со смертью, оказывается на черном.

Рассказывая о том, как Огарков воспринял слова приговора, Казакевич пишет: «И они встали перед ним, кровно связанные с его судьбой, с тем, что должно было неминуемо произойти и произойдет, потому что это справедливо».

Так заканчивается третья глава повести, и снова слышится нам в этой концовке отзвук столь далекой советской литературе библейской торжественности, туманной значительности апокалипсиса.

И, наконец, Огарков начинает размышлять так:

«Лучше всего было бы, если бы пули с самолета попали не в Джурабаева, а в него. Он лежал бы тихо и мирно под холмиком во дворе Марии, прислушиваясь к шелесту листьев и трав и сам превращаясь в траву и листья и в красные ягоды малины».

Вот к какому противоестественному кокетничанью со смертью приводит автор своего героя, уводя его все дальше и дальше от жизни в область литературных реминисценций и библейских абстракций.

И оттого концовка повести, знаменующая благополучный исход, написана такою же условной скороговоркой, какою в XVIII веке заканчивались романы о злоключениях Хариты и Полидора: «Они прожили вместе много лет, у них родилось много детей, и они были счастливы».

Условность рождает условность: схема до конца остается схемой.

Но стоит Казакевичу отойти от железных конструкций искусственного сюжета, стоит ему вернуть себе ту свободу действий, какую он с таким трудом создает для Огаркова, — и сразу к нему возвращается великолепная поэтичность видения, зоркая наблюдательность художника, самобытная точность слова.

Как превосходна, например, в повести та совершенно самостоятельная страничка, на которой описан покос у траншеи! Как глубоко, с предельно выразительной скупостью обрисован в повести мимолетно промелькнувший образ казачки Марии!

Подобные места повести говорят нам не о частных удачах Казакевича. Напротив, они-то и возвращают нас в мир, который полюбился нам, когда мы прочитали «Звезду», и в который надеялись вновь притти, раскрывая пятую книжку «Знамени». Эти отличные куски повести свидетельствуют о том, что именно неудача была лишь частным случаем на творческом пути Э. Казакевича — писателя талантливого и умного, умеющего видеть и понимать жизнь и, к сожалению, поддавшегося соблазну, который увел его на иссушенную и бесплодную стезю абстракций.

Эм. Казакевич. «Двое в степи». «Знамя», № 5. 1948.

С. БАБЕНЫШЕВА

По страницам областных альманахов

Иконописное литературоведение

Большая русская советская литература давно уже вышла за пределы Москвы и Ленинграда. Свыше 30 журналов и альманахов издается в краях и областях нашей республики.

Альманахи и журналы не только отражают рост литературы, но и являются ее собирателями, организаторами. В этом процессе созидания большая роль принадлежит критическим отделам альманахов.

Между тем, критические отделы альманахов поражают бедностью своего содержания. Редко можно встретить в альманахе статью о советской литературе, о творческом пути писателя-современника; не часты и рецензии на вышедшие книги. Но зато из номера в номер публикуются историко-литературные статьи о писателях-земляках. Из 56 просмотренных нами альманахов, вышедших за последние полтора-два года, в восьми не было ни одной критической или историко-литературной статьи, в двадцати трех были опубликованы лишь историко-литературные статьи, и только остальные альманахи как-то (зачастую одной-двумя рецензиями) откликались на события современной литературы.

Слов нет, куда спокойнее и проще писать о творчестве малоизвестной поэтессы XIX века А. Переводчиковой или о поэте XVIII века Е. Кострове, чем разбирать современные произведения.

Речь идет вовсе не о том, что статьи о литературном прошлом должны исчезнуть со страниц альманахов. В каждом крае есть свои традиции, которые вызывают чувство гордости тем, что в родном городе жил и работал известный писатель.

Но даже и лучшие статьи грешат тем, что разговор о писателе ведется только с позиций его эпохи, в отрыве от актуальных задач сегодняшнего литературоведения. Такой односторонний характер носит, например, статья В. Тонкова об А. Н. Афанасьеве («Литературный Воронеж», № 1). Автор не скупится на добрые слова: говорит и об идейном влиянии революционных демократов на творчество Афанасьева, и о прогрессивно-демократическом характере его творчества, и т. д. И во всем этом есть значительная доля правды. Но иная юбилейная статья, как цветное стекло, пропускает только определенные цвета и оттенки и часто вовсе не пропускает другие, подчас более важные. И вот автор старательно вычищает «темные» пятна на сложном творческом пути Афанасьева. О мифологической школе и о принадлежности к ней А. Н. Афанасьева В. Тонков говорит наспех, скороговоркой. Весьма своеобразно использует он цитаты из Добролюбова и Чернышевского, останавливаясь лишь на тех, которые показывают, что мифологическая школа идеализировала старину. В. Тонков не раскрыл идеалистической, реакционной сущности мифологической школы. Он обеднил, сузил критику работ Афанасьева, данную великими демократами. Он не подошел к его работам с точки зрения нашего времени, а, значит, и не сумел определить действительное место Афанасьева в историко-литературном процессе.

Этими же недостатками грешит статья В. Злобина о поэте XVIII века Е. Кострове («Кировская новь», № 2), В. Злобин написал серьезную работу, использовал богатый материал, но оформил его все в той же иконописной манере.

Говоря о патриотизме Кострова, Злобин аргументирует даже тем, что «Слово Росс в его одах всегда писалось с большой буквы», забывая что прописные буквы в подобного рода словах отнюдь не являются особенностью костровского правописания. Автор до того заражен местным патриотизмом, что преувеличивает и значение Кострова как переводчика. Он пишет, что перевод «Илиады» отличался простотой и ясностью языка и что дальнейшие переводы Н. Гнедича и П. Минского не могли затмить его.

А. Чичерин в статье «Писемский и старая Кострома» («Костромской альманах») пытается подвести теоретическую базу под такое своеобразное краеведчески-иконописное литературоведение. Он пишет: «Каждый большой писатель сосредоточивает в своем творчестве думы и чувства своего народа. И ближайшая к нему среда имеет при этом особенное значение». Дальше оказывается, что все это относится к Писемскому и Костроме, что «творчество Писемского более чем на три четверти вспоено и вскормлено впечатлениями Костромского бытия».

***

Многие исследования в альманахах носят узко описательный, эмпирический характер. Авторы их занимаются скрупулезными изысканиями: сколько раз и где было упомянуто наименование края или области в произведениях писателя.

Такой характер носит статья тов. Михельсона «Лермонтов на Кубани» («Кубань», № 2). Упорно и пристрастно ищет литературовед упоминаний в творчестве М. Ю. Лермонтова слова «Кубань». Он устанавливает, что в поэме «Измаил-бей» упоминается кубанская насечка, в поэме «Аул Бастунджи» — кубанская оправа.

Обогатив читателей столь необходимыми сведениями, автор статьи приходит к следующему выводу: «Обилие географических названий и указаний ширины пролива — все это свидетельствует о стремлении Лермонтова к реалистическому изображению достоверных, основанных на фактах явлений». Итак, устанавливается новый — географический критерий реализма.

Много подобных «исследовательских» статей посвящено творчеству Горького. Псевдоглубокомысленный характер носит исследование доцента А. Свободы о первой повести М. Горького — «Горемыка Павел» («Волжский альманах», № 5).

Автор не разбирает произведение в целом, он дробит его на ряд отдельных проблем. Мы узнаем, как относился Горький в произведении «Горемыка Павел» к проблеме подкидышей, к проституции, браку и любви. Обо всем этом говорится так, будто у этих явлений нет общих социальных корней, будто каждое из них существует само по себе и поэтому нуждается в подобного рода академическом анализе. Психологически, что в результате такого детализированного исследования автор приходит, по сути, к анекдотическим выводам: «Вопрос о подкидышах, как о социальном явлении, был поставлен широко и со всей остротой в первой повести, и приговор был произнесен суровый: Да, так оставаться вопрос о подкидышах не может, и надо принимать решительные меры, чтобы не мерли, как мухи осенью, подкинутые дети в подобных частнопредпринимательских руках».

Такой же эмпирический характер носит опубликованная в Чкаловском альманахе статья Н. Прянишникова «Заметки о «Войне и мире» Льва Толстого».

Автор установил, например, что в крыловской басне упоминаются горшки. А в третьем томе «Войны и мира» (часть III, глава IV), представьте, тоже упоминаются... горшки! Налицо несомненная творческая связь этих двух писателей.

Но самое интересное следующее открытие. В романе Толстого Кутузов читает роман французской писательницы Жанлис. И именно это доказывает, что... «Толстой был великим художником и патриотом. Как истинный патриот, абсолютно чуждый какой-либо риторической фальши и позы, Толстой не боялся, что чтение французских романов умалит величие Кутузова».

Товарищ Сталин учит нас, что историю нельзя ни улучшать, ни ухудшать, ни приукрашивать, ни чернить, её надо изображать так, как она есть, со всеми ее противоречиями, прогрессивными и реакционными сторонами.

Это указание имеет прямое и непосредственное отношение к историко-литературным отделам альманахов, в которых до сих пор большинство статей написано методом, который иначе, чем иконописным, назвать нельзя.

В книге «Ніколі не забудзем», изданной на белорусском языке под редакцией писателя Янки Маура, во всем величии встают образы смелых и отважных юных патриотов Белоруссии — участников Великой Отечественной войны. НА СНИМКЕ: обложка книги «Никогда не забудем».

В. ГАЛЬПЕРИН

Стивенсон под гримом

В свое время И. Ильф и Е. Петров зло высмеивали «особую касту сочинителей предисловий, еще не оформленную в профессиональный союз, но выработавшую два стандартных ордера»...

По первому ордеру произведение хулится, по возможности, с пеной на губах, а в постскриптуме книжка рекомендуется вниманию читателя.

По второму ордеру автора грубо гримируют марксистом и, подведя таким образом идеологическую базу под какую-нибудь елизаветинскую старушку, тоже рекомендуют ее труды вниманию читателя.

В Детгизе вышли об'единенные в одной книге романы английского писателя Р. Стивенсона «Похищенный» и «Катриона». Предисловие к книге написано В. Воеводиным по принципу «второго ордера».

Р. Стивенсон пользуется заслуженной репутацией мастера авантюрного романа. Его книги отличаются увлекательной фабулой, экзотической обстановкой действия, романтическим характером героев.

Образы отважных, находчивых людей, смело противостоящих опасностям, побеждающих природу, ведущих корабли по штормовому морю, — заслуженно привлекают к Стивенсону наше юношество. Но, переиздавая его книги, нужно помочь читателю разобраться в творчестве Стивенсона, выделить полезное и указать то, к чему следует отнестись критически. Вместо этого В. Воеводин безудержно апологетически восхваляет Р. Стивенсона, старательно обходя вопрос о социальной природе его творчества. Он не указывает на ограниченность романтических героев-индивидуалистов у Стивенсона, на идеализацию в «Похищенном» и «Катрионе» не только отсталой патриархальной Англии, но и грабительской Англии.

Говоря об «Острове сокровищ», В. Воеводин замечает, что этот роман «...стал н а р о д н о й книгой». Эта выразительная разрядка принадлежит В. Воеводину. Автор предисловия восхищается «благородными джентльменами» из «Острова сокровищ»; преклоняясь перед их моральными добродетелями, «ясным разумом», «крепкой волей» и «чистой совестью», он совершенно забывает о том, что эти добродетельные герои — представители хищнических, эксплоататорских классов Англии.

Вот в чем В. Воеводин видит «огромный реалистический талант» писателя: «Образ младшего брата (речь идет о романе Р. Стивенсона «Мастер Баллантрэ») — порочного, бессовестного и вместе с тем в какие-то о с о б ы е минуты своей внутренней жизни по-настоящему обаятельного человека — образ такой силы и правды, что молодой Баллантрэ как-то по-новому заставляет задуматься о нравственной природе человека».

Не удовлетворившись вышеизложенным, автор пытается нас уверить, что «...нужно очень любить людей, чтобы создать такой образ»(!).

Очевидно, надо слишком любить героев Стивенсона, чтобы выступать адвокатом их аморальности и преступных наклонностей.

Наиболее «смелое» откровение В. Воеводина принадлежит к области психологии. О повести «Странная история доктора Джеккиля и мистера Хайда» он сообщает, что это «странная история о человеке, духовное существо которого обладает способностью жить порознь, то в оболочке доктора Джеккиля, то в оболочке мистера Хайда. И если доктор Джеккиль — благовоспитанный, добропорядочный английский джентльмен, то все злое, нечистое, что таится в глубинах его подсознания, воплощает в себе его отвратительный двойник мистер Хайд».

Даже в этом изложении читатель невооруженным глазом рассмотрит идеалистическую основу повести, эпигонское подражание Достоевскому. Однако В. Воеводин делает ошеломительный вывод: «Двойственное существование мистера Джеккиля, разумеется, только блестящий беллетристический вымысел, но в основе его лежит мудрое прозрение, перекликающееся с данными современной науки о сознательном и подсознательном в психической жизни человека».

Странные воззрения В. Воеводина нельзя квалифицировать иначе, как беспринципные перепевы лженаучных теорий современной буржуазной философии.

Очерк В. Воеводина может только дезориентировать советскую молодежь. Это предисловие смогло появиться в свет лишь в результате безответственности ответственного редактора книги. А в этой роли выступает... все тот же В. Воеводин.

Р. Л. Стивенсон. «Похищенный», «Катриона». Предисловие В. Воеводина. Детгиз. 1947. 488 стр.

Вредная отсебятина и фразерство

◆ Г. КОРАБЕЛЬНИКОВ ◆

В связи с десятилетием со дня смерти Сулеймана Стальского Институт истории, языков и литературы народов Дагестана опубликовал труды, посвященные поэту. Знакомство с этими трудами показывает, что они не отвечают требованиям, пред'являемым к научному исследованию. Неправильны теоретические и методологические установки сборника. В нем ошибочно истолковывается соотношение русской литературы с литературой Дагестана — в частности, с творчеством Стальского, преувеличивается место фольклора в литературе, не точно освещается идейно-художественное развитие Стальского.

Вместо того, чтобы на конкретном материале произведений поэта показать патриотический характер его творчества, дать анализ идейных и художественных особенностей его поэзии, участники сборника увлеклись многословными рассуждениями о том, что Стальский — «Гомер XX века». Буквально во всех статьях вспоминается эта известная метафора из речи А. М. Горького на Всесоюзном с'езде писателей.

Казалось бы, в статье А. Назаревича, носящей ответственное название «Сулейман Стальский и русская литература», должно было быть выяснено то несомненное влияние, которое оказала русская культура на развитие Стальского.

А. Назаревича занимает другое, — каково значение творчества Стальского для русской литературы? Но, вместо исследования, «основываясь» лишь на метафоре Горького, пишет: «И тут мы подходим к его пониманию (речь идет об А. М. Горьком. — **Г. К.**) величия Сулеймана Стальского, к тому подтексту, который Алексей Максимович вложил в свой крылатый эпитет — в имя Гомера XX века». И далее, на протяжении всей статьи, автор гадает, что же означает этот «подтекст».

Напомним, что сказал А. М. Горький на Всесоюзном с'езде писателей:

«...Я обращаюсь с дружеским советом, который можно понять и как просьбу, к представителям национальностей Кавказа и Средней Азии. На меня, и — я знаю — не только на меня, произвел потрясающее впечатление ашуг Сулейман Стальский. Я видел, как этот старец, безграмотный, но мудрый, сидя в президиуме, шептал, создавая свои стихи, затем он, Гомер XX века, изумительно прочел их. Берегите людей, способных создавать такие жемчужины поэзии, какие создает Сулейман. Повторяю: начало искусства слова — в фольклоре. Собирайте ваш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его. Он очень много дает материала и вам и нам, поэтам и прозаикам Союза».

Словами о Гомере Горький подчеркнул величие народности советской поэзии, которая так ярко и живописно предстала на с'езде в лице Сулеймана Стальского. Тем самым имя Стальского стало нарицательным и было поднято на высоту художественного обобщения, как эпический образ народности нашей многонациональной поэзии.

Но А. Назаревича не удовлетворяет этот простой и ясный смысл сказанного Горьким. Он все-таки задается вопросом: «Почему Горький назвал его (Стальского. — **Г. К.**) Гомером XX века?» И берется ответить за Горького. Этот «эпитет», — считает Назаревич, — «таит в себе глубокий смысл, полон богатейшим внутренним содержанием, является завершением целого, я сказал бы, этапа даже в жизни самого Горького. Это своеобразный рубеж в развитии вообще нашей литературы, целая веха в той борьбе, которой посвятил всю свою жизнь А. М. Горький и которая, опять-таки на мой взгляд, является кульминацией почти столетней борьбы революционно-демократической линии русской литературы».

Таким образом, по Назаревичу, Стальский, как явление литературы, явился не только «целым этапом в жизни Горького», но стал «кульминацией» развития революционно-демократической линии русской литературы. В этом бесшабашном домысле столько же неуважения к Стальскому и непонимания его действительных заслуг перед советской литературой, сколько и непонимания исторических путей развития великой русской литературы.

Но, может быть, это случайная описка у А. Назаревича? Нет, далее читаем: «Само имя Стальского стало как бы олицетворением главной, вековой линии развития русской литературы». Это «открытие» А. Назаревич и «разрабатывает» в статье, поставив задачу «показать, как в лице Сулеймана Стальского находит свое завершение, своеобразное олицетворение, свою кульминацию упорная, почти вековая борьба ведущей, революционно-демократической линии развития передовой русской литературы, великой русской культуры...»

Такое искажение проблемы освоения передовой русской культуры и литературы во многом об'ясняется глубоко ошибочными, ненаучными взглядами на фольклор, на устную литературу, которые свойственны не только А. Назаревичу, но и некоторым другим работникам научно-исследовательских институтов национальных республик.

До сих пор еще в ходу «теория» о том, что фольклор во многом превосходит литературу своими идейными, социальными качествами, так как ему якобы не присущи те социальные противоречия, которые отразились в литературе. Устное творчество неверно отождествляется с народностью, всякое произведение фольклора называется народным.

Так же, как во всякой национальной культуре в прошлом, мы отличаем ее демократические и социалистические элементы от культуры господствующего класса, так и в устном творчестве надо отделять народную поэзию от реакционной идеологии, отразившейся и в фольклоре.

Известно, например, что в аварском и лезгинском фольклоре давали себя знать арабистские, исламистские наслоения. Сулейману Стальскому, так же как и другому народному поэту Дагестана — Гамзату Цадасе, приходилось освобождаться от такого рода реакционных традиций.

Поэтическое дарование Стальского так блестяще развернулось отнюдь не потому, что ашуг слепо следовал традициям устной поэзии, а, прежде всего, потому, что его творчество было одухотворено идеями большевизма и обогатилось активным участием самого певца в социалистическом строительстве. Этого не замечают или не хотят заметить безудержные апологеты фольклора, видящие достоинства певцов и сказителей только в том, что они — представители устного творчества и по одному этому являются как бы более передовыми художниками, чем, скажем, писатели.

А. Назаревич во вступительной статье к книге Гамзата Цадасы «Избранное», изданной Дагестанской базой Академии наук СССР в 1947 году, пишет: «Влияния прогрессивной русской литературы **соответствовали** основной народной, реалистической линии развития всего устно-поэтического творчества горцев, и именно их **взаимодействие** обусловило становление дагестанской литературы» (подчеркнуто нами. — **Г. К.**).

А так как, по Назаревичу, передовая русская литература по самому духу «совпадает» с народным творчеством горцев, то он и перемещает вершину лезгинской поэзии в русскую литературу, об'являя творчество лезгинского ашуга «кульминацией» в развитии русской литературы.

Подобная «концепция» не только нелепа, но и вредна. Она льстит самолюбию некоторых представителей молодых национальных литератур, утверждая их в ложной мысли, что фольклор, устная поэзия их народа никем не превзойдена, ни в чем не уступает развитой литературе и что, следовательно, писатели могут идейно и творчески развиваться, обходясь своими фольклорными традициями, не изучая передовой русской и мировой литературы.

Некритические восхвалители фольклора любят ссылаться на авторитет классиков, но обычно умалчивают, как далеко ушли вперед произведения классической литературы от фольклора. Высказанное Горьким положение: «Начало искусства слова — в фольклоре» — и ставит фольклор на то место, которое он занимает в художественном развитии человечества.

Попытка об'яснять прогрессивность творчества того или иного художника лишь фольклорными традициями сказалась и в сборнике «Сулейман Стальский», и не только в статье одного А. Назаревича.

Другой автор — М. Гаджиев, утверждает, что основная черта творчества Стальского — «классовая заостренность и непримиримость всегда оставалась неизменной — такой, какой мы знаем ее по первым произведениям».

На самом деле Стальский прошел большой путь от стихов, в которых проявилось его первое смутное чувство социального протеста, до классово заостренных, политически и идейно осознанных произведений.

Творчество Стальского никогда бы не поднялось так высоко, если бы он не вышел за пределы тех представлений, идей, взглядов, которыми жила в дореволюционные годы поэзия лезгинского аула, если б он не воспринял самые передовые идеи современности, почерпнутые в культуре русского народа. Наконец, без идейного воздействия большевизма Стальский не смог бы занять в своем творчестве ясно осознанные классовые позиции.

Погоня за мнимыми проблемами, отсебятина и фразерство, проявленные в сборнике о Стальском, помешали раскрыть подлинное величие этого признанного всем Советским Союзом народного поэта Дагестана.

Сулейман Стальский. К десятилетию со дня смерти. Издательство Дагестанской базы Академии наук СССР. Махач-Кала, 1948.

С. МАКСИМОВ

БЕРНАДОТТ — КОМИССИОНЕР „ДОБРЫХ УСЛУГ“

Шведы хорошо знают своего графа. Он удивительно умеет встревать со своими «добрыми услугами» в такие дела, где заправилам капиталистического мира полезно создать хаос и смятение. По зову Уолл-стрита и на сей раз он откликнулся привычным «рад стараться».

26.000 долларов в год плюс представительские и «сувениры», конечно, кругленькая сумма для такого бокового отпрыска королевской династии, как граф Фолке Бернадотт. Но не только этими суммами исчерпываются долларовые поступления одного из самых американизированных представителей шведской аристократии. Принц Бернадотт, граф аф Висборг, обладающий самым большим после Геринга количеством отечественных и чужеземных орденов, проявляет сугубый интерес ко всему американскому. Как член правления акционерного общества шведских универсальных магазинов «Нордиска Компани», он наводняет страну американской дребеденью, изо всех сил восхваляя добротность импортных нейлоновых чулок и тому подобной продукции. Проспекты туристского общества «Норд» оповещают заокеанскую клиентуру, что сам принц крови с благодарностью получает дивиденды от американского туризма. В полном его имени вместе с наследственными титулами приводится длинный перечень благоприобретенных синекур вроде председателя, директора и члена правления «Бизнес мэшинери», «Газаккумулятор» и других американских фирм в Швеции. Это по части бизнеса.

По линии «духовного родства» с США он дирижирует хором американской «Армии спасения» и председательствует в «Шведско-американском обществе». Именно этому шведскому глашатаю американского «образа жизни» махрово-реакционный орган «Ридерс дайджест» поручил руководство своим шведским изданием. Американскую статейную жвачку и полный набор переводных антисоветских измышлений, сочиняемых гангстерами пера, он преподносит шведским читателям под названием «Самое лучшее» («Дет беста»).

Англо-саксонские империалисты знали, кого они на время отрывают от самых срочных американских дел в Швеции для посылки в Палестину. Бернадотту поручили на месте свести на-нет решение Генеральной Ассамблеи ООН о разделе Палестины на два независимых государства. «Граф Бернадотт считает невозможным раздел Палестины», — торжественно возвестило агентство Юнайтед пресс. «Манчестер гардиен» напутствовала его от'езд в Палестину следующими словами: «Границы, установленные резолюцией ООН, не являются священными. Их легко можно изменить».

Явно игнорируя четко выраженную волю громадного большинства ООН, Бернадотт превысил полномочия, предоставленные ему решением Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1947 года. Сей великовозрастный руководитель шведских бой-скаутов далеко не с мальчишеским озорством подсунул «свое» решение палестинского вопроса, как две капли воды схожее с тем проектом, которым англичане и американцы хотели еще весной этого года подменить решение ООН. Вместо двух независимых государств, как это записано в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, Бернадотт предлагает создать федеральное арабско-еврейское государство с троном короля Абдуллы в Иерусалиме. Этому же милостью Глабб-паши и Уолл-стрита крупнейшему феодалу арабского Востока Бернадотт поручает «осуществить координацию внешней политики и мероприятий по общей обороне федерального государства». Практически такая координация должна выразиться в том, что будет открыт беспрепятственный доступ американскому капиталу в «федеральное государство»; Хайфа, которую ООН включил в государство Израиль, станет «свободным портом» и военной базой «некоей великой державы». Очевидно, в целях обеспечения такой же «безопасности» иракского нефтепровода, кончающегося в Хайфе, посредник рекомендует создать и «свободный аэропорт» в Лидде. За такое усердное протаскивание империалистических планов международных монополий англо-саксонские державы выдали высшую аттестацию этому комиссионеру «добрых услуг». «Заслуга графа Бернадотта, — пишет «Дейли телеграф энд Морнинг пост», — заключается в том, что он упразднил постановления Генеральной Ассамблеи». Заслуга Бернадотта перед Сити и Уолл-стритом действительно велика, если учесть, что ему удалось за кулисами защитить интересы Америки и Англии в ущерб арабам и евреям Палестины, вопреки ООН и воле громадного большинства ее членов.

«Посредник» ООН с усердием, достойным лучшего применения, старается поспешно проводить свои рекомендации в жизнь. Под предлогом заполнения вакуума, под которым он подразумевает уход английских войск, он содействует прибытию в Палестину американских офицеров и солдат якобы для поддержания порядка. Американские военные корабли, имея на борту морскую пехоту, бросают якорь в палестинских территориальных водах. Бернадотт противодействует приглашению советских офицеров-наблюдателей, допуская только американцев, французов, бельгийцев и шведов. В его штабе свили себе гнездо антисоветские элементы. Достаточно сказать, что одним из его ближайших сотрудников является некий полковник де Лаваль, бывший до войны шведским военным атташе в Польше и затем принимавший в качестве «добровольца» участие в войне рюти-таннеровских авантюристов против СССР. Незадолго до поездки в Палестину в составе «свиты» Бернадотта тот же де Лаваль в шведском журнале «Самтид ок Фрамтид» заявил: «Швеция должна превратиться в авиабазу англо-саксонских воздушных сил».

Недружелюбные чувства посредника ООН к СССР, выражающиеся в данном случае в конкретном противодействии прибытию советских наблюдателей в Палестину и в определенном подборе своего окружения, имеют солидный стаж. Англо-саксонские милитаристы, остановив свой выбор на Бернадотте, действовали без промаха. Этот комиссионер «добрых услуг» уже стяжал себе печальную славу в памятные дни апреля 1945 года. Накануне окончательного разгрома Гитлера он срочно прилетел в Германию, чтобы в последнюю минуту «спасти Берлин от русского нашествия» и тоже выступить в качестве посредника между фашистскими главарями и западными державами. 23 апреля он взялся передать предложение Гиммлера о его согласии безоговорочно капитулировать на Западе при условии сосредоточения всех германских вооруженных сил против Советской Армии на Востоке.

Полный разгром гитлеровских армий и занятие советскими войсками Берлина, так сказать, рикошетом нанесли сокрушительный удар по более чем подозрительной «миссии» Бернадотта. И вот сейчас он вновь появился на политической арене.

С каждым днем становится все более ясным, что в задачи Бернадотта отнюдь не входит действительно добиться мирного урегулирования палестинской проблемы на основе резолюции Генеральной Ассамблеи. Финал палестинской драмы, придумываемый Бернадоттом, уже ясно вырисовывается в тумане его громких фраз о «мире на святой земле» и его ханжеских «обращений ко всевышнему»: призвать американские войска для «водворения порядка» и устранения того хаоса, который он сам вместе со своей миссией «добрых услуг» насаждает в Палестине.

Выступая на заседании Совета безопасности, Д. З. Мануильский подчеркнул: «За последнее время в международный обиход все шире вводят практику так называемых комиссий «добрых услуг». Эти комиссии, хотя и носят название «добрых услуг», но, как правило, они оказывают злую услугу странам и народам, которые прибегают к их помощи».

Шведский принц, нанявшись за 26.000 долларов в год оказывать «добрые услуги» человечеству, действует лишь в интересах политики колониальной экспансии англо-американских монополий.

ФАКТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

ВСЕ ДЛЯ УДОБСТВА ВЗЛОМЩИКОВ...

Как сообщает газета «Ниппон таймс», в Токио существует специальная фирма, которая дает напрокат оружие и инструменты взломщикам и ворам, не обладающим достаточными средствами для приобретения в собственность необходимых им «орудий производства».

Помимо этого, та же фирма имеет в своем распоряжении целую сеть наводчиков; они указывают взломщикам наиболее «подходящие» об'екты и снабжают их подробным списком всего, чем в данном «об'екте» можно поживиться.

За указанные услуги фирма получает от бандитов определенный процент с добычи, не считая «арендной» платы за пользование оружием и воровским инструментом.

ГАНГСТЕРЫ ПЕРА ИЗОЩРЯЮТСЯ

Видные лондонские журналисты, как сообщает еженедельник «Тайм», разработали список наиболее актуальных и важных тем, требующих безотлагательного освещения в печати.

В число этих тем включены — описание какого-либо чудовища, обитавшего на земле в доисторические времена, с приложением иллюстраций; описание разрушений, причиненных первой атомной бомбой, сброшенной на Нью-Йорк; свидетельские показания по поводу какого-либо события, не уступающего по значительности распятию Христа.

ОТКРЫТИЕ ПОЛКОВНИКА МАККОРМИКА

Оригинальный способ помощи голодающей Западной Европе был предложен недавно на страницах «Чикаго трибюн» издателем этой газеты небезызвестным Маккормиком. Полковник Маккормик предлагает кормить голодное население Европы мясом мексиканских диких собак. «Таким образом, — изрекает Маккормик, — Центральная Америка избавится от чумы, а множество европейцев будет спасено; что же касается собачьего мяса, то я, опираясь на такой авторитет, как Амундсен, утверждаю, что отбивная из собаки вкуснее свиной или телячьей отбивной».

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ПОЧТЫ

ФОРРЕСТОЛ В НАТУРАЛЬНУЮ ВЕЛИЧИНУ

В связи с введением в США обязательной воинской повинности, американская газета «Дейли уоркер» поместила статью, в которой дает следующую характеристику нынешнего американского министра обороны.

«Кто такой министр обороны Джеймс В. Форрестол, который хочет усеять трупами сыновей Америки поля битв третьей мировой войны?

Он банкир. Длинный перечень его деяний составляет самые грязные страницы международных интриг финансистов Уолл-стрита. Отчет об этих сделках банковские клерки Форрестола вписали чернилами в бухгалтерские книги, чтобы подвести итоги прибылям. Но эти же сделки вписаны в историю кровью народов всего мира...

Вот некоторые выдержки из этого перечня.

Прежде чем стать министром, Форрестол был президентом и основным партнером фирмы Диллон, Рид энд К°, одного из наиболее могущественных банков мира. Первой крупной операцией Форрестола в этой фирме явилось финансирование перевооружения Германии в 1925 году. Для образования германского Стального треста им был предоставлен заем в 100 миллионов долларов. Эта сделка дала возможность Диллон, Рид энд К° завладеть половиной акций гигантского угольного и железного концерна Стиннеса. В ходе операций фирма Форрестола приобрела паи в химическом концерне И. Г. Фарбен и проникла в один из четырех крупнейших немецких банков — Дисконтегезельшафт. Она имела постоянную деловую связь с остальными немецкими банками.

Форрестол погряз в самых темных политико-нефтяных интригах на Среднем Востоке. Именно Диллон, Рид энд К° финансировала арабско-американскую нефтяную компанию (пресловутую «Арамко»), завладевшую исключительным правом на эксплоатацию нефтяных ресурсов в Саудовской Аравии. Это именно Форрестол потребовал отмены решения ООН о разделе Палестины «в интересах безопасности США» (а в действительности—во имя защиты капиталовложений «Арамко»). И сегодня он требует наших сыновей — не во имя безопасности Америки, а во имя увеличения прибылей Диллон, Рид энд К°».

МАССОВАЯ НЕГРАМОТНОСТЬ В США

Проф. И. ЗИЛЬБЕРФАРБ

На титульной странице одного из прошлогодних номеров журнала «Америкен скул борд джорнэл» изображен рисунок: фронтон большого дома с колоннами и надписью «Здание нашего просвещения». Колонны — в трещинах, а одна из них рушится. На ступенях у входа сидит в глубоком раздумье увенчанный лаврами человек в облачении древнего грека, представляющий, судя по всему, Просвещение. Руки у него связаны, а надпись у пут гласит: «Учительские стачки». К сандалии прикован большой груз: «Неквалифицированные учителя». Перед зданием в беспорядке разбросаны книги. В стороне—большая группа мужчин и женщин — учителей и учительниц, удаляющихся от храма Просвещения «к лучше оплачиваемым должностям», как раз'ясняет транспарант, который они несут.

«Америкен скул борд джорнэл» — ведущий журнал по вопросам просвещения в США; это орган американских школьных администраторов. Если даже этот журнал так пессимистически оценивает состояние народного образования в США: хаос, запустение, стачки, нищета, — то, стало быть, положение очень уж плачевно.

И в самом деле, те, кто призван быть «носителями просвещения», обречены в США на самое жалкое прозябание.

«Учитель стал в Америке самым дешевым человеком в стране», — писал недавно католический журнал «Коммонуэлс». Ведущий общественно-педагогический журнал «Скул энд сосайити», ссылаясь на официальную статистику, отмечал, что средняя заработная плата работников народного образования сильно отстает не только от роста цен, но и от роста заработной платы в других профессиях, а реальное ее выражение за годы войны снизилось почти на 10 процентов. В послевоенный период положение учителей в США продолжает ухудшаться; по последним данным, их заработная плата в среднем сейчас на 20 процентов ниже, чем в 1940 году.

В настоящее время учитель американской начальной школы зарабатывает в среднем 37 долларов в неделю, а 200.000 учителей получают даже менее 25 долларов, что значительно меньше среднего недельного заработка чернорабочего.

Нищенские условия существования привели к повальному бегству учителей из школ (за шесть лет педагогическую работу оставило более 350 тысяч человек) и к многочисленным учительским стачкам. За последние полтора-два года забастовки учителей приняли массовый характер. Даже архилойяльная Национальная ассоциация просвещения, которая в принципе высказывается против стачек, вынуждена была недавно выдвинуть лозунг: «Нет контракта (подразумевается, удовлетворительного.—**И. З.**),—не будет и работы!»

В руководящих кругах школьной администрации с тревогой заговорили о кризисе. Еще в ноябре 1946 года председатель Гражданского федерального комитета по просвещению (совещательный орган при правительственной Службе просвещения) Томас Боушелл заявил, что «массовый уход учителей» является следствием не только «совершенно несоответствующей заработной платы», но и «недостатка общественного уважения и других факторов, которые создают неудовлетворенность работой». Он предупреждал о назревающей «серьезной национальной трагедии».

Эта близящаяся катастрофа вызывает беспокойство не только у самих педагогов и у прогрессивной печати Соединенных Штатов. О кризисе народного образования говорят теперь и самые «благонамеренные» обозреватели газет и радио, ученые исследователи и даже представители правительства.

В конце февраля нынешнего года было установлено, что в результате «бегства из учительской профессии» американским школам нехватает 150.000 учителей. Это становится, как полагает Национальная ассоциация просвещения, одной из важнейших причин упадка американской школы и лишает миллионы детей возможности нормально учиться.

Материальная база американской школы дошла до катастрофического состояния. Д-р Бенджамин Файн писал в газете «Нью-Йорк таймс»: «Наши школы не подвергались бомбежкам, как европейские школы. Но спустя два года после окончания войны они оказываются настолько разрушенными, как будто они были повреждены тяжелыми бомбардировщиками».

О кризисе в области просвещения вынужден был заговорить даже и президент Трумэн. В январском послании конгрессу он писал: «Нашей системе просвещения грозит финансовый крах. Достоин сожаления тот факт, что в такой богатой стране, как наша, миллионы детей не имеют соответствующих зданий или достаточного количества учителей для хорошего начального и среднего образования».

Местные органы управления и отдельные штаты, за счет которых в США содержится школа, не обеспечивают даже самых насущных ее потребностей. Но Трумэн, несмотря на сделанное им признание, предусмотрел в федеральном бюджете на 1948 год на нужды просвещения не более одного процента всех ассигнований, тогда как на военные расходы отведено около 28 процентов.

Недавно в конгресс был внесен законопроект о предоставлении нуждающимся штатам из федерального бюджета 1949—1950 года 300 миллионов долларов для помощи школам. Но эта попытка спасти от краха народную школу встретила решительный отпор со стороны представителей долларового империализма. Так, сенатор Мартин (республиканец от штата Пенсильвания), решительно возражая против законопроекта, утверждал, что подобный расход на просвещение уменьшил бы финансовую мощь США, которая должна быть направлена на «выполнение международных обязательств и укрепление вооруженных сил».

Апологеты американской буржуазной демократии в свое время похвалялись ее «щедростью», которая сделала народное просвещение «самым большим предприятием нации». Однако щедроты долларовой демократии изливались на школьное дело далеко не всегда и только при условии, что капиталовложения в это «предприятие» сулили экономическую выгоду в виде массовой подготовки дешевой, технически обученной рабочей силы. В периоды же экономических депрессий и кризисов школа бывала всегда одной из первых жертв капиталистической «экономии».

Так, в результате экономического кризиса 1929—1933 годов, по опубликованным в свое время данным федерального комиссара просвещения, в США было закрыто более 3.500 учебных заведений из-за недостатка средств и около 2.280.000 детей и юношей оставались вне школы. Но и такая «экономия» на народном образовании не удовлетворяла многих американских бизнесменов, среди которых раздавались голоса о «желательности доведения школьной сети до уровня... 1870 года», когда всеобщее обязательное начальное обучение было принято не во всех штатах, а число учащихся в средних школах было в 90 раз меньше нынешнего.

Предвоенная и военная кон'юнктура вызвала в Соединенных Штатах новое усиление экономии в расходах на социально-культурные нужды, в частности, в бюджете народного образования. Доклады по вопросам здравоохранения и просвещения, опубликованные в 1939 году Молодежной комиссией Американского совета по просвещению, показывали, что из 75 миллионов взрослого населения Соединенных Штатов около 36 миллионов не окончили школы, причем около половины из них не получили даже четырехлетнего начального образования, и по меньшей мере 3 миллиона просто неграмотны.

Опубликованные федеральной Службой просвещения данные за военный период свидетельствуют о том, что контингенты учащихся и посещаемость школ в среднем упали на 10 процентов. Число окончивших среднюю школу снизилось на 17 процентов, а число учащихся в высшей школе сократилось в среднем на 21,7 процента (в учительских колледжах — на 40,8 процента). Капиталовложения в школьное дело составляли в 1943—1944 гг. не более одной пятой соответствующих капиталовложений 1939—1940 годов, а это привело к почти полному прекращению нового школьного строительства и приобретения нового школьного оборудования.

С окончанием войны положение школы в США не улучшилось. Генри Уоллес указывал в одной из своих статей на страницах журнала «Нью рипаблик», что на военное обучение молодежи в возрасте до 18 лет затрачивается до миллиарда долларов в год, между тем как на нужды народного образования в целом Соединенные Штаты расходуют всего лишь около двух с половиной миллиардов. Картина становится еще более мрачной, когда мы обращаемся к позднейшим официальным данным. По плану Совещательной комиссии при президенте, опубликованному Белым домом в июне прошлого года, расходы на всеобщее обязательное военное обучение молодежи должны составлять 1.750 миллионов долларов в год. Как отметил помощник государственного секретаря Бентон в речи, произнесенной 2 марта 1947 года перед собранием профессоров и преподавателей, общая сумма расходов на народное образование в США составляет лишь полтора процента национального дохода. Вот цифры, не оставляющие никаких сомнений в том жалком существовании, которое влачит школа в «процветающей» послевоенной Америке.

Отмечая крайне низкий процент расходов США на народное образование, даже обозреватель такой газеты, как «Нью-Йорк таймс», не мог удержаться от того, чтобы не обратить внимание на то, что в Советском Союзе процент расходов на народное образование неизмеримо выше.

По признанию министра юстиции Кларка, «в Соединенных Штатах насчитывается несколько миллионов детей, которые не учатся в школе; более двух миллионов детей посещают совершенно неудовлетворительные школы; три миллиона взрослых никогда не учились в школе, а десять миллионов получили такое недостаточное образование, что они фактически остаются неграмотными».

Достаточно сравнить эти данные, опубликованные официальным лицом, с приведенными выше сведениями за 1939 год, чтобы установить тот бесспорный факт, что в преуспевающей заокеанской «демократии», правящие круги которой кичатся своим превосходством над всем миром и хотят силой доллара и политикой силы насаждать во всех странах свой «американский образ жизни», народные массы с каждым годом все менее и менее обеспечены одним из важнейших для современного человека благ, одной из необходимейших предпосылок демократии — образованием. Поэтому не приходится удивляться, что известный американский радиокомментатор Алистер Кук, говоря о тревожном положении в области народного образования в США, пришел к выводу о «гибели одного из распространенных американских мифов — мифа об американской народной школе».

В. ЧЕРНЫШЕВ

В американской колонии

Бразилия — самая обширная страна Центральной и Южной Америки. Многие поэты и прозаики, восторгаясь экзотикой, прославляли эту страну в своих книгах, как «жемчужину Южной Америки», называли ее «сказочным миром гортензий». Но лишь некоторые писатели сумели увидеть не только живописный пейзаж, но и разглядеть подлинную жизнь народа. Бразильские негры и мулаты, от зари до зари работающие под знойным солнцем на плантациях кофе и какао, хлопка и сахарного тростника, называют свою родину «землей большого богатства и большой нищеты», страной американского рабства.

Среди писателей, сумевших правдиво и вдохновенно изобразить жизнь народа, ведущее место принадлежит Жоржи Амаду.

Его произведения, особенно «Земля золотых плодов»*, помогают понять, почему Бразилия стала мачехой для своего народа.

Страна с 45-миллионным населением находится в кабале Уолл-стрита. Щупальцы звездно-полосатого спрута присосались к ее земле. Это «тысячеголовое чудовище, разевающее сотни голодных пастей, заглатывает людей, плантации кофе, какао, каучука, хлопка».

Прочно связав свою жизнь с судьбой бразильского народа, Амаду безраздельно отдается благородной миссии — поднять классовое сознание простых людей. Этому посвящены его первые книги: «Страна карнавала», «Пот», «Жубиаба», «Мертвое море», «Капитаны песка».

* Жоржи Амаду. «Земля золотых плодов». Государственное издательство иностранной литературы. 1948.

Жоржи Амаду — писатель-боец. Он активно участвует в политической жизни страны, отзывается на важнейшие события. Он деятельно работал в «Национально-освободительном альянсе», об'единявшем революционные силы, боровшиеся против диктатора страны Варгаса. Во главе этого альянса стоял пламенный антифашистский боец — Луис Карлос Престес.

Всем своим творчеством Амаду зовет народ к борьбе против поработителей. Именно поэтому реакционные власти запретили чтение его книг. В 1937 году двадцатипятилетний Амаду был арестован. Затем начались годы эмиграции.

В разгар Сталинградской битвы в Уругвае издается книга Амаду — роман-биография Луиса Карлоса Престеса, прозванного трудящимися Южной Америки «Рыцарем надежды».

Через два года здесь же, в Уругвае, вышел новый роман Амаду «Бескрайняя земля», первая книга задуманной им трилогии. По замыслу писателя, трилогия должна отразить исторический путь страны от феодальной эпохи до наших дней. В первой книге, описывая типические стороны жизни города Ильеос — родины Амаду, автор повествует о жестокой борьбе за экономическое и политическое господство так называемых «полковников»— потомков военной клики, господствовавшей в Бразилии в XIX веке.

Вторая книга трилогии — «Земля золотых плодов» доводит повествование до 30-х годов нашего века. Автор рассказывает о том, как «земля какао переходит из рук местных капиталистов в руки иностранцев».

Изменился старый Ильеос. Земля золотых плодов принесла ему славу и богатство, он стал «королем юга», «городом денег, кабаре, бесшабашной удали и грязных дел», городом, куда очень часто приезжают «новые лица».

Среди «новых лиц», приехавших в Ильеос, мы видим американца Карбанкса, управляющего «компанией по экспорту какао». Этот бизнесмен-колонизатор «с крикливым голосом и непомерно длинными руками, из-за которых он получил прозвище «горилла», остается загадкой для жителей города». Долгое время горожане ломали себе голову, желая проникнуть в тайну, окружавшую богатого американца.

Прикрываясь маской цивилизатора, мистер действует через своих друзей, задаренных долларами и электрическими бритвами. Через них Карбанкс финансирует местных фашистов-зеленорубашечников, скупает акции. Таким же путем он заставляет федеральное правительство издавать нужные законы.

Американец мечтает о земле, которой владеют «полковники». В банках Нью-Йорка уже давно разработан дьявольский план. Теперь настала пора привести его в действие. Прототип нынешних «уполномоченных» и «администраторов» плана Маршалла, он отлично сознает, что в уготовленную западню должна попасть не только помещичья земля, но и вся Бразилия.

Типичным угодником доллара, предателем и подлецом в книге выведен Карлос Зуде, владелец фирмы «Братья Зуде и К°».

Выполняя приказы Карбанкса, Зуде демагогически разглагольствует о родине, о национальной независимости.

Вкратце план Карбанкса состоит в следующем: экспортеры повышают цены на какао. Повышение потребует крупных капиталовложений, ибо игра может затянуться на многие годы. Внешне кажется, что «полковники» от этого еще больше разбогатеют, стоимость их поместий возрастет.

Три года длится затеянная авантюра. Цены на какао взвинчены. Но вот иностранцы «неожиданно» перестали покупать какао. Наступил «конец света», как говорит об этих днях один из «полковников». Оказавшись в долгу у иностранцев (ведь какаовые плантации расширялись за счет услужливо предоставленных американцами долларов), они вынуждены расплачиваться земельными участками. Карбанкс стал «королем какао», а Карлос Зуде — главой партии и «восходящим светилом на политическом горизонте».

Изображая борьбу за землю, Жоржи Амаду повествует о жизни трудового народа.

Жизнь батрака стоит гораздо меньше горсти какао. Когда во время работы замертво падает мулат или негр, на них не обращают внимания. Слышен лишь грозный окрик надсмотрщика: «Осторожней с какао, проклятый негр».

Рабские условия труда, постоянное недоедание укорачивают и без того короткую жизнь бразильца. Даже по официальным данным, средняя продолжительность жизни трудового человека в районе Рио де Жанейро не превышает 23 лет. Половина населения не доживает до 30 лет. Недавно в Бразилии были оглашены жуткие факты истребления «каучуковой армии», работавшей на плантациях Форда. Из 60 тысяч человек 36 тысяч «пропали» в зарослях Амазонки!

Амаду показывает, что единственной боевой, решительной и до конца последовательной силой, способной противостоять империалистам, янки и внутренней реакции, является коммунистическая партия. Запоминаются образы коммунистов — рабочих плантаций и городских предприятий. Коммунистов уважают и любят. Особенно ярок облик монтера-шофера Жоакина, простого труженика, подлинного патриота своей родины.

Жоакин выступает активным разоблачителем планов империалистов. Загнанные в подполье коммунисты оказались единственными людьми, правильно понимающими ход исторических событий. И хотя им не удалось сорвать коварный план Карбанкса, погубившего жизнь многих тысяч батраков и мелких арендаторов, в том числе и родителей Жоакина, коммунисты сумели привлечь обездоленных людей на свою сторону, вдохнуть в них уверенность.

Опасность американской экспансионистской политики понимают многие демократически настроенные интеллигенты. В коммунистической партии они видят подлинных защитников национальной независимости и культуры. Эта часть интеллигенции идет за коммунистами.

Представителем такой социальной прослойки в романе является поэт Сержио Моура. Враг «полковников» и иностранных эксплоататоров, он презирает угодников Карбанкса, безвольных и подлых людишек.

Сложным и трудным был путь Моура к народу. Но он нашел эту дорогу, стал человеком, близким к коммунистической партии.

Исторический роман «Земля золотых плодов» глубоко современен. Все творчество Жоржи Амаду дает представление о направлении бразильской и всей латино-американской прогрессивной литературы. Эта литература накопила уже серьезный опыт борьбы против португальских колонизаторов, за ликвидацию рабства. Такие выдающиеся мастера культуры, как Раул Пемпея, с первого дня основания республики восставали против английского империализма.

Не случайно «долларовые батареи» ведут усиленный огонь против Амаду и других прогрессивных мастеров культуры. Им запрещается выступать перед народом. Как в мрачные времена гитлеровского режима, их книги сжигаются на кострах. Скрываясь от расправы, вновь эмигрировал Жоржи Амаду, покинул Бразилию художник Кандидо Портинари. Томятся в тюрьмах профессор Марио Шемберг, историк Кайо Прадо Жуниор, Маурисио Грабойс, Кайрес де Брито и многие другие мастера культуры.

Но мужественный голос патриотов нельзя задушить ни пачками долларовых ассигнаций, ни полицейской дубинкой. Бразильский народ верит в пророческие слова героя романа «Земля золотых плодов» коммуниста Жоакина:

— Мы ни за что не отступим. Мы будем итти вперед, пока не уничтожим всю эту сволочь — империалистов... Придет день, когда не будет и этих хозяев земли... И не будет больше рабов...

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации и отдел писем — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—02618.